

LEIFERMAN
CEPHE
2013

BEAT THE HAT

*My perfect
exotic*

Annotation

`В стародавние времена охота, рыболовство, собирание даров леса, в том числе и грибов, было не забавой, не увлечением, не страстью отдельных чудаков, но бытом, повседневностью, жизнью...`

В книгу талантливого русского писателя Владимира Алексеевича Солоухина вошли его известные произведения - этюды о родной природе, посвященные `охоте` за грибами (`Третья охота`), ужению рыбы в зимний период (`Григоровы острова`) и самой обычной, казалось бы, траве - неотъемлемой части природы (`Трава`).

-
- [Владимир Алексеевич Солоухин. Григоровы острова](#)
 -
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
-

**Владимир Алексеевич Солоухин. Григоровы
острова**

Владимир Алексеевич Солоухин (1924-1997) Григоровы острова (Заметки о зимнем ужении рыбы)

К этому приобщаются все по-разному. Вот, например, как приобщилась Мария Федоровна, женщина лет пятидесяти, такая хлопотливая московская домохозяйка, по виду которой нельзя было бы сказать, что она тоже приобщилась к **этому**.

Я встретил ее у моего приятеля. Она сдавала ему комнату. Ну, а я пришел к приятелю в гости. Пили чай, разговаривали. В разговоре я ненароком упомянул что-то, относящееся к этому. Может быть, были произнесены и непосредственно сами магические слова, само название дела. Так или иначе, но Мария Федоровна вдруг вышла за перегородку и вернулась, держа в руках круглую банку из-под кетовой икры. В банке помещалась рыбка средней величины, вырезанная из пробкового материала, а в нее со всех сторон воткнуты всевозможнейшие, разнообразнейшие мормышки.

– Мария Федоровна, неужели, возможно ли?

– Нет, ты погляди, что за «клопик»!

«Клопик» действительно был превосходен. Он был изящен, поворотлив и для своего размера очень-очень тяжел. А ведь для мормышки и нужно, чтобы как можно меньше размером и как можно тяжелее.

– А что за «овсинка»? – продолжала между тем хозяйка необыкновенной коллекции. – Не успеешь

опустить, как бросаются плотва и густера. Это ведь нарочно для плотвы «овсинка», – и она, любовно держа на ладони, рассматривала мормышку в виде овсяного зернышка.

– А эта какова?!

Крохотная капелька, красненькая с одной стороны, светленькая – с другой, так и играла на свету, так и переливалась. Так и представлялось, как она тонет, уходя в зеленоватую толщу воды и унося с собой ярко-рубинового лакомого мотыля. А там, возле дна, ждет ее красноперый горбатый окунь.

– Мария Федоровна, но если вы не ругаете мужа за это увлечение, то вы удивительная женщина. Все жены ругают за это своих мужей. Да оно и понятно. Целую неделю муж и жена на работе. Мало видят друг друга. И, наконец, приходит воскресенье. Тут-то и провести время вместе – сходить в кино, в театр, в музей, в гости к знакомым, дома посидеть, наконец, принять гостей. Но, оказывается, муж только и ждал воскресенья, чтобы надеть валенки с галошами, ватные штаны, шубу (а поверх шубы брезент), шапку, рукавицы, взять этот ненавистный, этот проклятый ящик, эту нелепую, уродливую железную палку, острую на конце, и уйти из дому в три часа ночи. А частенько и с вечера.

– А то как?! – возбудилась вдруг Мария Федоровна. – А я, думаете, не кляла? А я, думаете, дорогу не заступала? Да еще переживаешь целый день, как бы не утонул. По первому льду до греха недолго.

Тут Мария Федоровна на некоторое время замолчала, а потом уж и высказалась до конца.

– Я ведь три (с таким ударением на слове «три») ступени прошла.

– Какие же, Мария Федоровна, ступени?

– Сначала я вязала узлы. Как он начнет собираться в свою отлучку, я все простыни, все белье из комода – в

узел. Если уйдешь, бесстыжие твои глаза, то я из дому долой. И не жди меня больше, и не жди, не вернись.

Он, известное дело, усмехается, пешню в руки, ящик через плечо и пошел. Нечего делать, не целый же день на узле сидеть, развязываю. Снова все распределяю по комоду. И простыни, и белье...

– Значит, это и была ваша первая ступень?

– Она и есть. После нее я стала менять свою стратегию. Соберется он утром, станет завтракать, я ему к завтраку четвертинку. Ну, думаю, сейчас он выпьет, обмякнет, разогреется, и не захочется ему на целый день на мороз. А захочется обратно в постель. Он, проклятый, четвертинку выпьет, усмехнется и пошел. Нет, погоди, я тебе в другой раз – пол-литра. После пол-литра уж никуда нельзя, кроме как спать. Но он и тут приспособился. Половину сейчас, за завтраком, выпьет, а другую половину пробочкой заткнет и в карман.

– А какая же, Мария Федоровна, была ваша третья ступень? Снова меняли свою стратегию?

– Неуж. Если ты, говорю, не хочешь со своей женой дома сидеть, то я с тобой буду ездить на эту твою... рыбалку. А чтобы каждое воскресенье поврозь – того не допущу... Ну и что же, съездили мы три воскресенья, на четвертое он, смотрю, не собирается. В кино, говорит, сходим, Иван Ивановича в гости позовем, в шашки давно не играли. Ну и ладно, думаю, не поедем. А червячок так и сосет, так и сосет. Спать легли – спать не могу. Степан, говорю ему, Степан, а может, съездим хоть на полденька, опустим мормышку. Погода тихая, теплая, обязательно будет клев. Ну, хоть недалеко, хоть в Хлебникове или хоть в Водники.

– Спи, – говорит, – старуха, сказал – не хочу, да и мотыля нет.

– Что ты, Степан, мотыля я уж с четверга запасла. Крупный такой, что твои спички. Живой. Я уж его и

крахмальцем пересыпала... Так-то вот и кончилась вся моя стратегия.

Мой друг и земляк, а в будущем учитель по этой части, Саша Косицын, как и каждый человек, родившийся на нашей маленькой Ворше, тоже сначала и представить не мог, чтобы зимой можно было ловить рыбу удочкой.

Когда приехал он учиться на высшие офицерские курсы, расположенные на берегу большого подмосковного озера, то, конечно, из окна каждый день видел заснеженную ровную скатерть озерного льда, окаймленную ровными зимними кустиками. Так было в будние дни.

– В воскресенье посмотрел я в окно, – рассказывает Саша, – и сильно удивился: зачем на озеро навозили навозу? Этакие ровные черные кучки. Точь-в-точь как у нас на полях. Посмотрел через час – прибавилось. Столько появилось черных кучек, что хватило бы на удобрение целому колхозу. Но зачем они оказались на льду? Взял лыжи, поехал на озеро, посмотреть. Подъезжаю ближе к первым черным кучкам и глазам не верю: вроде бы люди. Подъезжаю еще ближе, так и есть – старичок. Прорубочка возле него (тогда еще не знал, что это называется лункой). В прорубочку он опустил некую мудреную снасть, сидит. А возле него, на снегу, скрючившись от мороза, заоченевшие окуньки, окуньки, окуньки.

Но это, конечно, нельзя считать крещением Саши. Крещение он получил впоследствии, на Плещеевом озере, в солнечный мартовский день (в конце марта), когда на льду собирается уж талая вода и можно снимать шубу и даже загорать.

В конце марта, придя в понедельник в какое-либо московское учреждение (например, в министерство), вы сразу можете определить, кто вчера был на льду. Лица у этих людей горят пунцовым, свежим загаром.

Однажды я был на приеме у довольно высокопоставленного лица. Дело у меня к нему было очень самолюбивое, и я никак не мог сразу выйти на прямую линию разговора. Пока начальник разговаривал по телефону, я немного успокоился и даже обратил внимание на то, что лицо у него так и горит, так и пылает.

– Ну, так в чем же ваше дело? – сухо спросил он, положив трубку и поднимая на меня свои, в общем-то не строгие, глаза.

– Дело я сейчас расскажу, но нельзя ли узнать, как вчера – удачно или нет?

Вопрос был рискованный, так сказать, игра ва-банк, потому что неизвестно все-таки доподлинно, что он делал вчера: может быть, играл в карты, может быть, ужинал с друзьями, может быть... мало ли что может быть.

– А у вас? – в свою очередь спросил меня начальник.

– Да про нас-то что говорить. Мы пустые не приезжаем. Килограммов восемь я привез.

– Не может быть! – и даже подпрыгнул мой собеседник. – А где? Где?

– В Конакове, конечно, на Григоровых островах.

– Черт возьми, а мы поехали в «запретку», знаете, там, за Завидовом, на Шошу и Ламу, одним словом, и, поверите ли, ни черта! Уж я и так, я и этак. И в полводы, и на шевеление в грунте, и на потяжку... Ведь лесочка у меня (знакомый из Парижа привез) ноль-ноль-восемь. Казалось, уж чего бы ей надо. Какая же у вас была мормышка? Вот я вам, сейчас свою покажу.

Он полез в бумажник, достал оттуда кусочек картонки с наколотыми в нее мормышками.

– Посмотрите, на Птичьем рынке покупал, по рублю за штуку. Чего бы ей еще?!

– Э-э, нет. Хотя это и с Птичьего рынка... Вот я вам сейчас покажу... Один мой приятель, старый рыбак, у

себя дома отливает их... Вот она, голубушка, удивительно ловкая^[1], и ни одного схода... Если хотите, попробуйте в следующее воскресенье!

Пальцы у него, когда он принимал от меня мормышку, дрожали, как будто он брал... Впрочем, тут и сравнить не с чем – уникальная кустарная мормышка!

Надо ли говорить, что я просидел в кабинете начальника еще около часу и что дело мое в последние полминуты решилось в нужную сторону.

Но я отвлекся и не досказал, что мой учитель Саша свое крещение получил на Плещеевом озере, в солнечный талый мартовский день, надергав из лунки в течение дня триста восемьдесят ершей.

Хорошо, когда посвящение новичка в зимнюю рыбалку начинается с такого, пусть и ершиного, клева. Тут он гибнет сразу и прочно, на всю жизнь. Если даже потом и будет ловиться по десять штук в день, все равно рыбак будет надеяться и ждать своего часа, своего дня, когда жаркое солнце на льду, и талая вода под рыбачьим ящиком, и триста восемьдесят поклевов в день.

Впрочем, было бы большой несправедливостью, если бы только одного Сашу Косицына я считал своим учителем в этом деле. Есть человек, который в течение нескольких лет исподволь взрыхлял и готовил почву. Мы с ним встречались редко, потому что часто ли можно встретить в Москве, на улице, случайно одного и того же человека. Помогала, правда, нашим встречам общность профессии: он ходил по редакциям и издательствам, я ходил по издательствам и редакциям. Нет-нет да и встретимся.

Литератор по профессии (поэт, но главным образом переводчик), Герман Моисеевич Абрамов представляет собой тот редкий, совершенный тип рыболова, когда рыбалка не воскресное развлечение, а почти вторая

профессия, когда рыбацкая страсть поставлена на теоретическую основу и подкована на все копыта.

Именно Герман Абрамов отлил ту мормышку, которой я поразил впоследствии начальствующее лицо, будучи у него на приеме.

Герман немного глуховат, поэтому разговаривает громче обычного. Встретимся где-нибудь возле Новослободского метро.

– Ну, как дела? – спросил Герман на всю улицу, – На рыбалку не собираешься?

– Нет, я люблю летом, в июле, когда кувшинки на воде, а кругом мята.

– Мята – ерунда! – кричит Герман. – Сейчас я покажу тебе мормышку. Сам отливал. Кроме того, я придумал новую систему сторожка. Я теперь делаю сторожки из часовой пружинки. Хочешь, зайдем ко мне, покажу, я тут недалеко живу.

Среди улицы я разглядывал некий свинцовый шарик с крючком, впаянным в него, и делал вид, что мне интересно, что и я не лыком шит и что-нибудь понимаю в этом свинцовом шарике.

– У нее очень своеобразная игра, – разъяснял между тем Герман. – Окунь ее очень любит.

Казалось странным, почему окунь должен любить свинцовую штучку.

– Ну, если не хочешь зайти, бывай. А то зайдем. Если хочешь, я снаряжу тебе удочку, с моей системой сторожка. Это будет не рыбалка, а ювелирная работа.

Так уж всегда бывает в жизни. Сколько раз звал меня Герман к себе – все некогда да некогда. Когда же понадобилось, когда появилась нужда, сам, через издательство, узнал адрес Германа, сам пришел к нему без приглашения, да еще и с просьбой.

Вся семья Германа – жена и двое взрослых сыновей – ютилась в небольшой комнате в старом доме внутри мрачноватого красно-кирпичного двора. Тесно и душно

было в комнате, но Герман встретил меня радушно, по своему обыкновению громко заговорил:

- Ну вот, я знал, что когда-нибудь придешь. Наверно, решил приобщиться к зимней рыбалке?

Герман угадал. В ближайшее воскресенье Саша Косицын уговорил меня выехать с ним на лед (на его стареньком, истрепанном по разным водоемам «Москвиче»), и теперь нужно было обзавестись всем необходимым. Не помешала бы и лишняя консультация.

Герман выдвинул несколько ящиков в сооружении, похожем на комод, и перед глазами открылась картина, которая, как я теперь понимаю, ввергла бы в трепет любого рыбака. Тут были деревянные формы для отливки летних крупных грузил. Отлитые грузила – то сигарообразные, то в форме вытянутого ромба – лежали тут же. Бесформенные кусочки свинца ждали своей очереди. В других дощечках были выдолблены аккуратные формочки для отливки мормышек. Яркие медные пластиночки, серебряный полтинник, изрубленный на куски, напильнички для зачищения мормышек после отливки, наждачная бумага для осветления их, суконочки для окончательной шлифовки, крохотные брусочки для заточки крючков, иголки для прочистки отверстий в мормышках, ну и сами мормышки, наконец: мормышки «клопики», мормышки «гробики», мормышки «капельки», мормышки «рыбий глаз», мормышки «красненькие», мормышки «комбинированные», мормышки «шестигранные», мормышки «дробинки», мормышки разнообразные и многочисленные – представляли собой целую коллекцию, которую, верно, пришлось бы собирать годами. Да ведь и у Германа коллекция накопилась не за год, не за два, а может быть, за тридцать лет его рыболовной деятельности.

Особый отдел в его хозяйстве составляли блесны. Боже мой, каких только форм, каких только оттенков

тут не было!

– Блесну чисти так, – учил Герман. – Свинцовую, исподнюю, сторону – острием иголки, видишь, она сразу начинает играть; наружную, медную, сторону – шкурочкой. В банке, которую берешь с собой на лед, обязательно должны быть шкурка и иголка. Иголка понадобится также, чтобы развязывать узел на леске.

Тут ведь в чем вся тонкость и все существо? Мормышка должна быть как можно меньше. Но если маленькую мормышку привязать к толстой леске, то она будет плохо тонуть, не даст игры, не передаст игру на сторожок. Значит, леска должна быть как можно тоньше. Но тогда ее оборвет крупный окунь. Значит, леска должна быть и тонкой и прочной. Если кто-нибудь из твоих друзей поедет за границу, ничего не проси привезти, проси леску ноль-десять, то есть в одну десятую миллиметра толщиной. Я, например, леску кипячу в крепком чае. Она делается золотистой и более прочной. Кипятить нужно двадцать минут. Однако давай снаряжать тебя по порядку.

(Здесь я хотел бы и читателя посвятить в тонкости и детали снаряжения).

– Валенки с галошами у тебя есть?

– Валенки есть, а галоши разве обязательно? Герман даже руками всплеснул от моего невежества.

– Да ведь стоит тебе пробить лунку во льду, как из лунки пойдет вода и вокруг образуется лужа. Так можно ли без галош?! Придется тебе сегодня же покупать галоши. Дальше: ватные штаны?

– Есть, – ответил я, как на солдатской перекличке.

– Рубаха длиной до колен?

– Почему именно до колен?

– Потому, что короткая при движении будет выбиваться из-под ремня, и спина, там где ремень, станет зябнуть. Свитер, шапка-ушанка, чтобы уши

можно опускать? Все есть. Хорошо. Перчатки с отрезанными пальцами?

– То есть как же?

– У перчаток должны быть наполовину отрезаны напалки для большого, указательного и среднего пальца. Тогда ты сможешь надевать мотыля на крючок и вообще манипулировать пальцами, не снимая перчаток. Главные, действующие, пальцы – на свободе. Кроме перчаток, нужны меховые рукавицы, очень-очень просторные, чтобы попадать в них руками на лету и сбрасывать их без затруднений. Эти рукавицы должны быть на шнуре, который вешается на шею и продевается в рукава шубы. Знаешь, как у детей варежки, чтобы дети их не потеряли. Насадив мотыля и опустив мормышку в воду, ты сразу можешь прятать руки (прямо в перчатках) в рукавицы, а в случае поклевки тебе ничего не стоит, так сказать, выпрыгнуть из рукавиц ^[2].

Итак, с одеждой покончено. Не забудь только прихватить большую тряпку. Ее во время ловли будешь затыкать за голенище. Она необходима, чтобы после каждой пойманной рыбы вытирать руки. Особенно после ерша на пальцах остается обильная слизь. Ну, а ящик?

– Какой ящик? Может быть, я все удочки положу в портфель?

Герман смеялся долго и заразительно. После этой моей промашки в его голосе невольно появилось не то дружеское покровительство, не то доброжелательная снисходительность. Так иногда разговаривают взрослые с детьми.

– Портфель никак не годится. Бывают специальные рыбацкие ящики. Они делаются с двумя отделениями: в одно кладется пойманная рыба, в другое – запасные удочки, мормышки, мотыль, глубомер и прочее

снаряжение. Обычно в ящике проделывается окошечко, чтобы немедленно прятать пойманную рыбу. Ящик приспособлен для того, чтобы на нем сидеть, не возить же на рыбалку еще и стул. Сидишь, а окошечко – под тобой, между валяными сапогами, очень удобно прятать.

– Да зачем прятать?

– Сразу всего тебе не расскажешь. Сам потом поймешь, зачем нужно прятать. Итак, продолжаем. Носят ящик на ремне через плечо. Иногда приделывают к нему полозья и возят его по льду, как салазки. Чтобы ящик был всегда чистый, а не вонял рыбой, ты должен сшить мешок из клеенки. В этом мешке и будешь держать пойманную рыбу, а уж мешок – в ящик. Так, значит, ящика у тебя нет? Подожди, мой сосед, тоже рыбак, собирался продавать ящик собственного изготовления. Ты же понимаешь, что значит ящик, сделанный для себя?

Через несколько минут Герман внес в комнату аккуратный сундучок, более высокий, нежели широкий и длинный. Сундучок был окрашен в голубой (сероватый, впрочем) цвет, а сверху обит клеенкой. Под клеенкой было мягко – вата или хлопок – для того, чтобы удобнее сидеть. Дно сундучка по углам оковано медными пластинками, вертикальные грани оторочены кожей. Широкий брезентовый ремень мягко ложится на плечо, не режет, не давит. Два отделения, как и говорил Герман.

– Ну вот, если хочешь, бери! Старик просит пятьдесят рублей^[3]. Магазиновый стоит столько же, но разве можно сравнить?

(Между прочим, этот ящик служит мне исправно и теперь, и расставаться с ним я пока что не собираюсь.)

– Значит, ящик теперь у тебя есть, поздравляю! Не каждый рыбак начинает с таким ящиком! Насколько я

понимаю, в бумаге завернута пешня?

– Да, по дороге к тебе я завернул на Неглинную.

– Покажи.

Мы развязали шпагат, развернули грубую, местами промаслившуюся бумагу и обнаружили там три составные части пешни: две целиком железные, одну наполовину из дерева. Герман с ловкостью фокусника соединил все три части, свинтил их, и у него в руках появилось довольно изящное орудие для прорубания льда. Верхняя часть орудия – деревянная круглая рукоятка, вроде как у лопаты, средняя часть – круглый металлический стержень, на конце – полукруглая лопаточка-острие. Герман прикинул пешню так и сяк (показалось мне, что он сейчас начнет долбить лунку в деревянном полу): и замахивался ею, как бы ударить, и вскидывал, прищулив глаз, и пальцем пробовал острие, и подбрасывал в руке, чтобы прислушаться к тяжести инструмента. В конце концов он сказал:

– Это не пешня, а ерунда. Этой бы пешней по голове того, кто ее делал. Но не горюй, сейчас мы все исправим.

С этими словами Герман взял молоток, поставил пешню на пол и начал ударять по ней молотком в том месте, где кончается широкая лопаточка и начинается круглый стержень.

– Вот так ее, вот так, она у нас будет забористая, она у нас будет въедливая. Ты понимаешь, что они делают? Они не делают угла. Поэтому, когда пробиваешь лунку в толстом льду, пешня стремится на конус, лунка все сужается, острие все время соскальзывает с ледяной стенки к середине. Теперь, после нашей, казалось бы, незначительной операции, она будет забирать вширь, назад, срезать ледяную стенку, потому что мы ей сообщили угол. Теперь нужна для пешни бечевка. У меня есть кусок электрического шнура, сейчас мы его используем.

Герман положил пешню на пол, заставил меня встать рядом с ней прямо, чуть ли не по стойке «смирно», и привязал шнур так, чтобы я мог держаться за него, ничуть не нагибаясь, ничуть не приседая, тогда как пешня лежала бы на полу.

– За этот шнур будешь волочить пешню по льду, меняя место лова. Иногда приходится идти километры. Она очень легко скользит по льду и снегу. А так ведь таскать ее тяжело и неудобно. Теперь. Прежде чем начать пробивать лунку, ты должен три раза обвернуть шнур вокруг кисти своей правой руки. Обязательно. И обязательно не меньше трех раз. Дело в том, что, когда ты ударяешь пешней в лед, она испытывает большое сопротивление, и твои руки постепенно привыкают к нему. Но однажды пешня не встретит сопротивления, то есть лед кончится, проломится последняя его тонкая пленочка. В этот момент в девяносто девяти случаях из ста пешня выскальзывает из рук и летит на дно.

– Неужели так много случаев?

– На моих глазах, правда за всю практику, ушло под лед не меньше двадцати пешней. Некоторые удавалось забagrить за шнурок и вытащить. Две я утопил собственноручно. Так что я знаю, о чем говорю: три раза вокруг правой руки, каждый раз, перед тем как начать пробивать лунку. Но пошли вперед. Шумовка – один из самых неприятных инструментов. Она у тебя, конечно, уже есть.

– Нет... Шумовка? Впрочем, кажется, у нас на кухне... Если это та самая шумовка, которой женщины снимают накипь с супа, то я попрошу у жены...

– Так. Понятно. – Впервые в голосе Германа послышалось что-то вроде жалости. – И все-таки пошли вперед. Так и быть, дарю тебе шумовку собственного изготовления.

Пошарив под тем самым комодообразным сооружением, где хранились морышки, Герман достал

шумовку. На гладко обструганную палку длиной в полметра насажена очень отлогая, почти совсем плоская, медная ложка, поменьше чайного блюдца. В ложке – отверстия, каждое величиной с копейку.

– Это моя любимая шумовка.

– Нет, зачем же ты ее мне, если она любимая?

– Бери, бери, я от души. Надеюсь, ты уже догадался, что этой штукой вычищают ледяную крошку из только что проделанной лунки. Ну и если лунку обильно засыпает снегом. А бывает, что ее то и дело затягивает свежим ледком. Сначала опустишь шумовку до конца лунки и всю лунку хорошо прошуруешь, тогда весь лед всплывет. Тут его будешь собирать и отбрасывать от лунки подальше, чтобы не мешался.

– Какая в нем помеха?

– О, милый, все узнаешь. За ледяные кусочки, неряшливо разбросанные около лунки, постоянно будет цепляться леска. А так как леска очень тонкая, а ледяные кусочки очень острогранны... В общем, отбрасывай подальше.

Когда лунка совсем очистится, когда ты вычерпнешь из темной хрустальной воды последний кристалл зеленоватого льда, сердце твое возрадуется, ибо настал вожделенный миг и ничто уж не может тебе помешать опустить мормышку – секунда, о которой ты мечтал почти целый год. А если это не перволедок, то пусть хоть и одну неделю ты мечтал об этой секунде... Иной раз неделя стоит года.

Многие любят ловить из чистой лунки, оно и правда приятно. Во-первых, приятна для глаз аккуратная, чистая лунка, во-вторых, видать, как тонет мормышка, в-третьих, видать, когда рыбу подтаскиваешь к лунке. Но я делаю иначе и тебе советую: наплюй на приятность. Как только очистишь лунку ото льда, сразу запороши ее легким снежком, затемни, занавесь занавесочкой. Может быть, рыба, кто ее знает, боится

яркого света. Запорошив, в середине лунки в снегу проткни дырочку рукояткой шумовки, в эту-то дырочку и опускай мормышку.

– А как же, если рыба?

– Рыба проскочит сквозь снежок, не беспокойся. Я даже, вот видишь, вожу специальную палочку для проделывания этих дырочек, а то неприятно, когда у шумовки мокрая рукоятка. – И Герман показал мне изящную, слегка коническую палочку, окрашенную в яркий красный цвет.

– Почему красная?

– Чтобы не забыть на снегу, не потерять. Ну что же, вот мы и перед чистой лункой. Можно, как я уже сказал, и опускать мормышку. Почти все так и делают. Но я тебя ведь учу настоящей рыбалке, рыбалке, так сказать, высшего, профессорского класса. Итак, заведи себе глубомер. Важно сразу найти дно, чтобы положить на него мормышку, и от него уж танцевать, как от печки. Искать дно легонькой мормышкой очень неудобно, будешь неуверен: то ли она лежит на дне, то ли легла на какую травинку, то ли ее относит течением. Поэтому в самом начале лова к мормышке хитроумным способом пристегивают вот эту гирьку. Она сразу покажет, где дно, а где трава. Итак, купи себе глубомер, он стоит несколько копеек. А теперь самое главное – удочки...

Одну удочку Герман подарил мне из своих, причем опять из самых любимых и ловких. Она была оснащена сторожком системы «Германа Абрамова», то есть из часовой пружинки. Другую он соорудил на моих глазах от начала до конца.

Как бы попроще рассказать, что такое зимняя удочка? Впрочем, вот вам устройство зимней удочки. (Особых случаев, вроде уникальной и сложной системы сторожка, мы не берем, а берем то, что у каждого рыбака на водоеме, тем более что система сторожка из

часовой пружинки себя в конце концов не оправдала. Герман сам первый от нее отказался, успев, правда, снабдить пружинными удочками всех своих друзей-рыболовов.) Итак, берется ровный прямоугольный кусок пенопласта, материала настолько легкого, что кажется как бы невесомым. Кто не видел его, могу сказать, что он похож на губку, но только твердый – режется ножом или пилой, как дерево. Для удочки нужен такой брусочек, чтобы его удобно было держать в руке, то есть длиной примерно в ладонь, ну и каждая сторонка что-нибудь сантиметра в четыре.

На этом бруске, вдоль его, прорезывается ножом не очень глубокая ровная канавка, именно в эту канавку будет наматываться леска длиной пять, десять, двадцать метров, у кого сколько есть и кто на какой глубине рассчитывает ловить. Но, как бы там ни было, меньше десяти метров наматывать не следует.

В торец бруска вклеивается гибкий прутик длиной с карандаш или с два карандаша, но не более. Прутик можно поставить и деревянный, но он быстро сломается, поэтому сейчас все рыбаки ставят пластмассовые, а еще точнее – хлорвиниловые прутики, а где их берут – неизвестно. Хлорвиниловый прутик очень прочен и очень гибок, так что его можно считать вполне идеальным материалом для зимней удочки.

Когда хлорвиниловый поводок прочно и глубоко вклеен в пенопластовую рукоятку^[4], а на нее намотаны уже десять метров тонкой и крепкой лески, удочка в основном готова.

При помощи резинового колечка на кончике хлорвинилового поводка укрепляется грубая щетинка с петелькой на конце. Длина щетинки в среднем с обыкновенную спичку. В петельку-то как раз и продевается конец лески, намотанный на брусок-рукоятку. Значит, прежде чем попасть в воду и уйти на

дно, леска обязательно должна быть пропущена через петельку сторожка (щетинка с петелькой на конце называется сторожком). Обыкновенно укрепляют еще на конце сторожка, там, где петелька, что-нибудь яркое – красненькое, синенькое, желтенькое, чаще всего кусочек цветной изоляции электропровода.

Остается теперь на конец лески привесить все-таки и, как бы там ни было, главное в удочке – мормышку.

Случилось, что одну из моих книг перевели на немецкий язык. Перед тем как книге выйти в свет, издатель прислал мне письмо с вопросами. В частности, ему неясно было, что такое мормышка. Так что, может быть, стоит рассказать в двух словах о ней, хотя в начале этих записок о мормышке уже шла речь.

В воде живет небольшое округлое насекомое – мормыш. Это лакомая пища всех рыб, а особенно окуней. Так как добывать мормыша трудно, то рыбаки придумали делать подобие этого насекомого из свинца и в него же впаивать маленький, но прочный крючок. Тут и крючок, тут и приманка, тут и грузило – все собрано в одном месте, на конце тонюсенькой лесочки.

Дальнейшая эволюция пошла по двум направлениям. Во-первых, рыбаки давно отступили от формы мормыша, естественного насекомого, живущего в водоеме. От него осталось только одно общее название – мормышка. Сами же мормышки пошли все новых форм, новых размеров, новых названий. «Клопик средний», «клопик мелкий», «клопик тяжелый» (для большой глубины), «клопик красненький», «клопик светленький» – это мормышки плоские, действительно похожие на клопа. Мормышка кругленькая так и называется – «дробинка». Некоторые окрашивают ее в черный цвет, некоторые – в красный, некоторые оставляют свинцового цвета. Мормышка «капелька», пожалуй, самая распространенная форма мормышки. Она имеет точную форму капли. Крючок впаивается с

остренького конца. Остренький кончик около крючка обыкновенно окрашивают в красный цвет. Иногда делают ее наполовину свинцовой, а наполовину одевают либо в медную, либо в серебряную оболочку, тогда она играет на разные цвета и тем самым будто бы привлекает рыб.

Ну а дальше уж от лукавого: «гробики», «рыбий глаз», «пшеничное зернышко», «овсинка», «шестигранные», «восьмиугольные»... Я даже встречал кривые, изогнутые наподобие дуги. Короче говоря, тут уж кто во что горазд.

Во-вторых, отступление от живого мормыша кончилось тем, что на крючок, впаянный в мормышку, стали насаживать дополнительную наживку, а именно: чаще всего и повсеместно – мотыля, очень красивого (чистого рубинового цвета) червячка, размером (если он крупный) как раз в полспички.

– Кстати, а мотыльница у тебя есть? – спросил Герман, когда с устройством удочки было покончено.

– Да ладно уж, я в бумажку или спичечный коробок.

– Так. Понятно, – в который раз за этот день произнес Герман и полез под комод за мотыльницей. – Мотыля береги пуще своего глаза. Если нет нигде в магазинах (а так бывает перед воскресеньем!) – научу, где взять. Садись на первый трамвай и поезжай на Тимирязевские пруды. Там на льду постоянно сидят старики-мотыльщики. Ведром они зачерпывают донный ил и промывают его в решете. Ил уходит с водой, а в решете остается чистый, свежий, живой, только что из воды (э, да ты еще ничего не понимаешь!) мотыль! Он ведь стоит дорого, дороже любой свинины.

Если едешь на рыбалку на один день, нужно купить мотыля на рубль, не больше. Если же купишь на два рубля, то хватит и соседу, и на подкормку, и еще останется. (Может быть, именно здесь стоит заметить, что, когда мы потом стали приобщать к рыбалке Ивана

Стаднюка и возложили на него покупку мотыля, он для первого раза и в таком первоначальном рвении произвел мотыля ровно на сорок пять рублей.)

– Значит, купил ты мотыля, – учил Герман. – Заверни его в чистую белую тряпочку и положи в холодильник. Еще лучше, если смешаешь его со спитым чаем, с этими размокшими чайниками, тогда он делается живее, дольше не гибнет. Вообще же лучший способ хранения мотыля такой: кладут его в женский чулок и опускают в уборную, в верхний бачок, где собирается вода. Так как воду часто спускают, то она всегда проточная, свежая, холодная. Там мотыля можно держать неделями. Но это в редких случаях. Обычно покупаешь в пятницу для воскресенья. Достаточно в чай и в холодильник.

Ну, конечно, тебе во время первой поездки расскажут два анекдота, связанные с мотылем. Первый состоит в том, что рыбаки с вечера выпили, закусили (а было уж темновато), легли спать. Утром встали, чтобы идти на лед, смотрят: красная икра цела, мотыля нет. Второй анекдот состоит в том, что сидит рыбак, и все думают, что у него флюс, а это он, оказывается, мотыля отогревает. Так вот, чтобы не было такого случая, мотыльницу, выйдя на лед, держи всегда за пазухой. Насадил одного и снова за пазуху. Канителью, зато мотыль всегда будет цел. Впрочем, так привыкаешь к этому движению (после каждого мотыля – за пазуху), что будешь делать механически. Ну, мотыля сейчас у меня нет, поэтому, как он насаживается, показать не могу, твой друг покажет тебе на льду. А вот как мормыжить... Эх, жаль, что нет у нас ванны. Все рыбаки тренируются, опуская мормышку в ванну. Ну, хорошо, сейчас я принесу ведро с водой.

Свободного ведра тоже не оказалось в хозяйстве Германа. Поэтому пришлось налить воды в обыкновенное цинковое корыто. Мы поставили корыто

посреди комнаты, воду же носили трехлитровыми банками.

– Важна естественность, натуральная обстановка, – говорил Герман, таская воду.

Наверно, со стороны было смешно глядеть, как двое взрослых и в общем-то серьезных людей водружают посреди комнаты корыто с водой, чтобы забрасывать в него удочку. Нам было не до смеха, мы были исполнены сосредоточенности и деловитости.

– Ну и вот. Начинаешь виток за витком сматывать леску с удочки. С каждым витком мормышка будет уходить в глубину. Теперь наблюдай за сторожком. Пока мормышка тонет, щетинка слегка наклонена вниз, мормышка ее оттягивает, наклоняет. А вот щетинка выпрямилась, находится в горизонтальном покое, это значит, что мормышка легла на дно. Приподымешь на сантиметр, опять наклонится сторожок. Опустить – выпрямится. Это будет твое главное движение в течение всех десяти часов, пока ты будешь сидеть на льду. Самое важное – положить мормышку на дно (действительно, наша мормышка лежала на дне цинкового корыта). Теперь не спускай глаз со сторожка, начинай пошевеливать мормышку, поднимать ее ото дна, сообщай ей дрожание, игру, вертлявое движение (целое искусство хорошо мормыжить). Таким образом мы дразним окуня, обманываем его, и в конце концов он бросается на приманку. Сторожок резко, молниеносно нагибается вниз. – Герман дернул левой рукой за леску, и щетинка, естественно, наклонилась вниз до вертикального положения. – Следует короткая подсечка, то есть короткий рывок кверху, и рука услышит, что там, в глубине, на дальнем и тайном конце удочки, висит тяжеленькая живая рыбка.

Этого ощущения мы не могли испытать, сидя над цинковым корытом, но вообразить было можно.

Теперь осторожно, аккуратно, без рывков, ровными потяжками нужно поднять рыбу к лунке, провести ее сквозь лунку, и она окажется на белом морозном снегу темно-зеленая, с ярко-красными плавниками и яркими полосками поперек.

В одном и том же мире существует множество своеобразных микромиров. Нет, я сейчас говорю не о том, что каждая семья как бы своеобразный мир и (что семья) каждый человек – это целая Вселенная со своими законами, интересами, открытиями, монументами славы и могильниками.

Нет, я говорю сейчас не об этой относительности. Но вот, например, существует так называемый Птичий рынок. Многие ли москвичи знают, где он находится. Многим ли известно, что он действует один раз в неделю, в воскресенье, и, наконец, многие ли бывают на нем или побывали хотя бы однажды в жизни. А ведь между тем есть люди, множество людей, которые ездят на Птичий рынок каждое воскресенье. Из этих-то людей и составляется там толпа, сквозь которую почти невозможно пробиться. Это самый многолюдный, самый тесный, самый оживленный рынок в Москве.

Птичьим он называется условно. Правда, что там продают в клетках щеглов и канареек и даже подчас соловьев. Правда, что там есть ряды только с птичьим кормом: конопляное семя, овес, просо, обыкновенные семечки, сушеная рябина и прочее. Правда, что там в воскресенье толпятся все голубятники Москвы со своими всевозможными голубями. Но ведь есть и другое.

Породистого щенка, милого ежа, белку, кролика, кошку наконец – все можно купить на Птичьем рынке. И все же не это главное, особенное лицо.

Главное на Птичьем рынке составляют ряды аквариумистов. Вот здесь и начинается особенное, здесь-то и начинается тот своеобразный мир, о котором

мне захотелось упомянуть лишь затем, чтобы потом рассказать о другом микромире, еще более своеобразном. Например, мы живем и не знаем, что у русских аквариумистов произошло событие огромной важности. Сергей Образцов (один из самых заядлых аквариумистов Москвы, завсегдатай Птичьего рынка) привез из Лондона парочку рыбок, дотоле неизвестных и невиданных. Кто-то, наверно, выпросил у него парочку мальков. И вот уже через год редчайшие экзотические экземпляры проникли на Птичий рынок по баснословной на первых порах цене. А через два года почти все порядочные аквариумисты имели в своих аквариумах этих рыбок.

Или разве мы знаем, кто в последний раз удостоен международного звания короля гуппи за выведение самого красивого самца гуппи, этой крохотной и действительно красивой рыбки, происходящей откуда-то с индонезийских островов.

А то вдруг прошел слух: все аквариумисты Германии перешли на фильтрацию воды в аквариумах.

– Вы представляете себе, да, да, все немцы фильтруют свои аквариумы, – слышится в одном конце Птичьего рынка.

В другом конце почти то же самое:

– Да что ты понимаешь, темнота. Вон на немцев погляди, давно уж фильтруют. Значит, что-нибудь да соображают. Каждое дело идет вперед, двадцатый век, техника. Так что не задумывайся, бери эту помпочку, и прошу недорого, и работает бесшумно. А если насчет току, то счетчик при ее работе даже и не крутится, лишнего расхода не будет.

Каких только рыбок нет на свете, а вместе с тем и на Птичьем рынке. То из черного бархата, то с ярчайшими красными волосами, то с ажурными продольными полосками, то ярко-зеленые, то ярко-синие, то ярко-сиреневые, то как бы из жемчуга, то

горящие крохотными бриллиантиками, то с рубиновой полоской вдоль изящного тельца, то все пестрые, то как бы из одного большого рубина. Все это сочетается с яркой и разнообразной зеленью водорослей, которые если начнешь перечислять по названиям, верно, испишешь несколько страниц. Тут же и готовые аквариумы, и речной песок для аквариумов, и обогреватели, и подсветка, и разные стеклянные и резиновые трубочки для очистки аквариумов, и чего-чего только нет. Но самое яркое, конечно, – те сотни или даже тысячи людей, которые за день перебиваются, перетолкнутся возле аквариумных рядов и для которых в этот воскресный день нет другого интереса, как эти рыбки, эти водоросли, эти стеклянные и резиновые трубочки. Может быть, он и не купит ничего, может быть, ему и не нужно ничего покупать (давно уж все есть), но и поглядеть на все – для него самая первая, самая большая радость.

Это отступление насчет аквариумов и особого мира аквариумистов, в общем-то, мало оправдано. Разве что с точки зрения противоположности. Недаром Герман Абрамов, когда пришел ко мне домой еще раз взглянуть на все мое снаряжение, увидев первым делом аквариум, грустно покачал головой и сказал:

– Да, либо аквариум забросишь, либо зимнего рыбака из тебя не выйдет. Нельзя одной рукой разводить рыбок и ухаживать за ними, а другой – вытаскивать их из лунки десятками и сотнями штук.

– Помилуй, Герман, я ведь не собираюсь опускать морышку в аквариум.

– Так-то так, но очень уж разные психологии...

Но я хотел сказать о другом. Точно так же, как в воскресенье, вместо того чтобы заниматься обыкновенными воскресными делами, люди едут потолкаться на Птичий рынок... Впрочем, что я?! Как я могу сказать, что это точно так же.

Я не знаю, можно ли в этом удостовериться, но я убежден, что каждую неделю, примерно так со среды, московская телефонная сеть в зимние месяцы получает дополнительную нагрузку за счет рыбаков-подледников. Один рыбак, пристрастившись, помнится, умолял всех нас, его друзей, чтобы мы звонили ему насчет рыбалки не раньше пятницы, а то он уж со среды (с нашего звонка то есть) отбивается от дела, готовит снасти, пробует их в ванной, заготавливает провиант и думает только о предстоящем выезде.

Так же как для страстно влюбленного человека приятно, когда говорят при нем о женщине, которую он любит, и так же, как ему самому приятно говорить о ней, так и рыбак-подледник от разговора о рыбалке получает большое наслаждение. Кроме того, надо ведь сколотить компанию, кроме того, надо ведь сколотить такую компанию, чтобы кто-нибудь был «лошадник», то есть с машиной, на которой можно было бы выехать на водоем.

Это, конечно, своего рода аристократизм. Большая часть москвичей-фанатиков выезжает на водоем по железной дороге.

В ночь с субботы на воскресенье на вокзалах Москвы, в особенности на Савеловском и Ярославском, появляются люди, одетые хоть и разнообразно, но все же как бы чуть ли не в форме. Почти как десантники. Или как водолазы.

Москвичи в это время все больше в туфлях да модных пальто. Зябко. Надо бежать бегом, подняв воротник, а чуть приостановишься на остановке, стучи носками туфель нога об ногу, прыгай на одной ноге, колоти ладонью о ладонь в тонких перчатках. Потуже запахивай полы пальто и отвороты на груди. Ан, сзади, из-под низу забирается мороз. Неудобно городскому человеку в морозные ветреные ночи, если окажется так, что нет поблизости никакого транспорта.

И вдруг шествуют среди спешащей и зябнущей толпы неторопливые люди в валенках с галошами, тяжелых шубах (и брезентовых плащах поверх шуб). В таком наряде они немного неповоротливы. Точь-в-точь как водолаз на суше, зато хорошо будет сидеть десять часов на одном месте под метелью или снегопадом.

У каждого, как нам теперь доподлинно известно, ящик через плечо, на котором можно посидеть возле кассы или на перроне в ожидании поезда. В руках – пешни, вроде как оружие.

Добропорядочные москвичи разъезжаются из театров, гасят телевизоры, выключают радио, ложатся спать. Затихает, затухает заснеженный зимний город. Чем больше, чем глубже он засыпает, тем больше накапливается на вокзалах людей в шубах и валенках, с деревянными ящиками через плечо. Спите, москвичи. Завтра, когда вы будете открывать глаза и сладко потягиваться в своих теплых постелях, эти чудачки с ящиками будут уж сидеть на льду, на водоеме, встретив зимний рассвет. (Многие, многие тысячи чудаков на всевозможных подмосковных водоемах в радиусе не менее двухсот километров.) Вам непонятна эта причуда (десять часов на льду), а им непонятно, как можно лежать и нежиться в постели, когда на земле рассветает и начинается уж мало-помалу активный окуневый клевишко. За десять часов происходит такая вентиляция всего организма, из таких глубоких его уголков выветривается все застоявшееся и затхлое, что потом целую неделю вы ходите, как новорожденный, и работаете вдесятеро.

Рыбак-подледник бывает разный: рыбак-пенсионер, рыбак – рабочий и служащий, рыбак-военный, рыбак-министр, так сказать, государственный деятель, рыбак-интеллигент (ну, конечно, и местный рыбак – совершенно особая категория).

На поездах (на озеро Сенеж, в Хлебникове, в Водники, на Яхрому, под Иваньково) выезжают все больше пенсионеры, «безлошадники», люди, не связанные ни с каким учреждением.

Рыбак – рабочий, служащий и военный хорошо и четко организован. Завод ли, министерство ли, воинская часть ли (а также и военные академии) выделяют к субботе специальные служебные автобусы, на которых едут любители уж не в Водники и Хлебникове, а к отдаленным водоемам: на Плещеево озеро, на Истру, на озеро Неро, на реку Сару.

Рыбак – государственный деятель выезжает в ЗИЛах.

Рыбак-интеллигент чаще всего группируется по пять-шесть человек вокруг одной частной «Победы» или «Волги».

Местные рыбаки ходят пешком, а по первому льду гоняют на велосипедах.

Кроме вокзалов, большое скопление рыбака-фанатика в ночь с субботы на воскресенье отмечается возле метро «Сокол». Они сидят там на ящиках и, поднимая руки, просят, чтобы их подвезли те самые служебные и военные автобусы, о которых только что шла речь.

Для меня на первых порах не было вопроса о транспорте. Меня взялся приобщать к подледному лову мой друг Саша Косицын, а у него в то время был старенький-престаренький «Москвичок», состарившийся главным образом по пути к различным водоемам. На своем «Москвиче» можно выезжать не с вечера, а перед утром, часа так примерно в три-четыре.

Надо бы выспаться перед выездом. Все готово, все уложено в ящик. Но уснуть перед выездом почти невозможно. Я думал, что это только у меня такое волнение, такая нервная организация, но в тот же день

Саша мне признался, что он еще ни разу не спал как следует в ночь перед выездом.

Началось все с большой неудачи. Когда Саша подъезжал к моему дому и пересекал трамвайную линию, у «Москвича» лопнула задняя рессора. Машина сразу дала косой крен на правую сторону, нижняя часть кузова едва-едва не чертила по асфальту.

Втайне я побаивался десятичасового морозного сидения, и мне, еще вовсе не рыбаку-фанатику, выспаться в теплой постели пока что нравилось больше, чем вся эта нелепая затея – ехать черт знает куда среди зимней ночи.

В расстройстве походили мы вокруг верного Сашиного «Москвича», совершившего на этот раз столь непредвиденный подвох, и пошли на стоянку такси консультироваться.

На стоянке дремало десятка полтора машин с шашечками. Тонкая поземка омывала черные, застуженные шины колес. На наш стук водитель такси опустил боковое стекло. Его заспанное лицо выражало неудовольствие. Даже ему в эту ночь дремать хотелось больше, чем ехать.

– Что делать? А что делать? Если рессора лопнула, делать нечего. Надо по краешку, около тротуара, со скоростью двадцать километров тянуть в гараж. До гаража, конечно, потихоньку доедете, ничего страшного.

– А как вы думаете, если на водоем, на рыбалку... как думаете, не дотянем?

Сердитый водитель, верно, подумал, что мы над ним начинаем смеяться, и молча поднял стекло, отгородился от нас мелким морозным рисунком.

– Попробуем проедем метров сто, может быть, ничего, – робко, с затаенной надеждой, предложил Саша. – Обидно. Ночь разломалась, да и утро уж скоро. Пока ехали бы, пора опускать морышку.

Тихонечко стронулись с места. Ничего, едем. Саша и сам, наверно, не заметил, как набрал скорость до нормальной. Ничего. Главное – избегать неровностей, чтобы на толчках кузов не чертил дорогу. Вот уж и Дмитровское шоссе. Вот уж осталась позади Москва. Едем. Хотя и без рессоры, а едем, черт возьми. Нельзя же, в самом деле, откладывать рыбалку, к которой целую неделю готовились. И мотыль пропадет. Нельзя. Едем. Перегоняют рыбаки-интеллигенты на «Волгах» и «Победах», но все же едем и мы и, конечно, доехали до водоема.

Саша научил меня, что, идя по водоему, нужно ударять впереди себя пешней, пробуя крепость льда. И вот я, ударив черное гладкое стекло, впервые вступил на лед в качестве рыбака. По черному стеклу проступило белое матовое пятно, а от него брызнули в разные стороны белые прямые трещинки.

– Смело иди, видишь, пешня лед не пробивает, – одобрил меня Саша. – Сантиметров семь уж намерзло, хорошо.

По гладкому, еще не заснеженному льду поземка летела ускоренно и прямо, не юлила, как на земле, огибая всевозможные там неровности.

Все было серо вокруг – и лед, и снег по берегам водоема, и небо, зимнее, низкое небо, и сумерки зимнего утра – все было серо и однотонно и, верно, навеяло бы печаль и грусть, если бы не важность, не волнение момента.

– Перейдем на ту сторону водоема, – предложил Саша. – Здесь что за ловля.

– Разве не одно и то же?

– Как-то не то, чтобы приехать и сразу около машины бить лунки. Кажется, на том берегу лучше.

На середине встретились рыбаки, торопливо пересекавшие водоем нам навстречу.

– Куда вы? – любопытствовал я у них.

– Туда, на тот берег. – И они показали место, где одиноко и сиротливо промерзал насквозь наш «Москвичок».

На водоеме, если даже и нет поземки, не надо определять, откуда дует ветер. Тут есть под руками самый надежный флюгер, потому как если и сидят хотя бы три рыбака, все они сидят точно к ветру спиной. Если их не три, а триста или пятьсот (бывает черным-черно на водоеме), значит, все триста или пятьсот спин обращены к ветру. Причем точность тут не приблизительная, а абсолютная. Стоит только сесть на один градус наискосок, и то уж начинает задуть со стороны, невольно, не заметишь как, поправишься на этот самый градус. Если ветер повернет на четверть горизонта, пятьсот спин рыбаков повернутся на столько же. Разве что в конце марта, когда жарко на льду и можно загорать, перестает действовать этот флюгер. Тут уж сидят кто во что горазд, кто как лучше любит, чаще всего лицом к солнцу: жаден человек до солнечного лучика, особенно до мартовского. Ведь в мартовском солнце, так же как и в мартовском огурце, есть своя, особенная, ни с чем не сравнимая прелесть.

Теперь был не март, теперь было сумрачно и мела ноябрьская поземка. А редкие рыбаки сидели ссутулившись, согнувшись над лунками: первые зимние холода переносятся куда тяжелее главных.

Лед был тонок. Пешня пробила его с трех ударов. В середине прорубки (простите, лунки) оказался цельный кусок льда, который я выбросил шумовкой. Помня о советах Германа, валенками, как бы танцуя, я отогнал от лунки ледяную крошку, сел к ветру спиной и... Но тут выяснилось одно досадное обстоятельство – я не умею надевать на крючок мотыля. Крохотный рубиновый червячок оказался довольно вертким, пальцы же мои на морозе – недостаточно точными. Я зацепил было мотыля

крючком, но, значит, не в том месте, и он вдруг весь вытек, осталась никчемная прозрачная кожица.

Терпеливо Саша показывал, разъяснял мне, как нужно класть мотыля на кончик большого либо указательного пальца левой руки и как зацеплять за самую черненькую головку, чтобы он не вытек, а остался цел, и притом чтобы извивался на крючке, играл, приманивал рыбу. Но, конечно, понадобилось немало рыбалок, прежде чем я научился мгновенно нанизывать мотыля по несколько штук на крючок на любом ветру и морозе.

Надо сказать, что в этот первый выезд я занимал с самого начала скептическую позицию. Это, между прочим, и придавало главную энергию Саше, решившему разубедить меня, вернее, убедить меня, что зимняя ловля куда интереснее и добычливее летней.

Еще в дороге я нет-нет да и подогревал Сашино рвение.

– Нет, не верю, чтобы зимой на удочку клевала рыба, по-моему, одни разговоры.

Саша не находил слов выразительно ответить на эту грубость.

Теперь, над чистой лункой, скепсис мой воспрянул с новой силой. Мне и правда казалась мертвой, безжизненной темная вода подо льдом. Страшно подумать – окунуть в нее палец. Какая уж там активная (по выражению Саши) жизнь. Судьба, увы, работала не на Шашину правоту, а на мое невежественное заблуждение.

Не могло быть никаких сомнений: мормышка лежала на дне. Вот я поднимаю на сантиметр кончик удочки, и сторожок сгибается, значит, мормышка отделилась от дна. Именно в этот момент на нее должен бросаться окунь. Но ничего не происходит. Я поднимаю удочку еще выше, потом опять опускаю – тишина.

- Что-то не стучит, - сетует Саша, сидя по правую руку. - Давай попробуем на шевеление мормышкой в грунте. - Начинаем не то чтобы поднимать мормышку, отделяя ее от дна, а пошевеливать там ее едва-едва. Наверно, на дне держится, хотя бы и тонкий, слой ила, значит, мормышка наша шевелится в иле, распуская вокруг себя крохотное облачко мути.

Но и к этому нашему изощрению вполне равнодушны окуни.

- Никогда такого не бывало, - смущенно бормочет Саша. Он, конечно, больше всего хочет теперь, чтобы я хоть увидел поклевку, ладно уж вытащить рыбину. - По первому льду и ни одной поклевки. Не может быть. Давай попробуем на «дыхание».

Саша кладет удочку на колено правой ноги и редко, глубоко вдыхает. Во время вдоха удочка невольно, вместе с рукой, приподымается, во время выдоха опускается опять.

Подо льдом в зимней воде никаких признаков жизни.

- Никогда такого не бывало. Давай лучше клюнем сами.

Мы идем под бережок от ветра, открываем наши ящики и прямо на снегу расставляем еду. Все застыло, заледенело - и ливерная колбаса, и соленые огурцы, и бутерброды с маслом, и разные консервы. Холодна, конечно, и бутылка. Но ничего не поделаешь: крещение есть крещение. Говорят, что зимняя рыбалка без этого не бывает. Рассказывают даже среди рыболовов и охотников анекдот. Расположились рыбаки на ночлег (ну, или охотники на привале) и устроили конкурс на самую невероятную историю.

- Насадил я на мормышку мотыля, опустил в лунку и пошел к товарищу. Прихожу, на удочке тяжело. Оказывается, на мотыля схватил малек, на малька - окунь, на окуня - щука.

– Эка невидаль, все может быть.

– Опустил я в лунку глубомер, ка-ак схватит, вытаскиваю... лещ на семь килограммов. – Тут будто бы почесали в затылке слушатели. Очень уж чудно, чтобы лещ схватил на свинцовую гирьку. Однако... кто его знает... может, лещ какой сумасшедший попался, наверно, рыба ведь тоже бесится, с ума сходит, все может быть.

– Половили мы, половили, сели перекусить. Разложили еду, достали бутылку коньяку четыре звездочки. Хватать-похватать, открыть нечем. Штопора нет, гвоздя нет, ну хоть плачь. Так и положили бутылку обратно в ящик...

– Э, нет, тут ты, брат, заливаешь, этого не бывает! Но если уж зашла речь о спиртном и если забежать вперед, то из своего опыта я должен сказать, что пить спиртное на льду, во время лова, ни в коем случае не следует. Сначала вам покажется, что водка вас согрела. Однако через полчаса (так как усиливается теплоотдача организма) вы станете зябнуть еще хуже. Начнется мелкая неумемная дрожь, с которой не будет средства справиться.

На лед нужно возить в термосе горячий чай или кофе. Лучше же всего согреться движением. Три лунки, прорубленные во льду средней толщины, вполне согреют вас У нашего друга Коли Губернаторова хватает мужества и терпения возиться на льду с разными спиртовками, на которых он разогревает консервы, жарит яичницу и кипятит чай, как дома на кухне.

А чтобы рыбаки-читатели не приняли меня за ханжу и проповедника полной трезвости, скажу, что ничего не может быть приятнее стаканчика водки, когда после десятичасового сидения на морозе вы приедете на ночлег в добротное, хорошо натопленное помещение.

Но об этом будет речь где-нибудь дальше, когда дойдем мы наконец и до Григоровых островов.

На другой день утром ко мне пожаловал Герман Абрамов. Ему не терпелось узнать, каково мне сиделось на ящике, купленном с его помощью, каково рубила пешня, которой он сообщил нужный угол, каково действовали удочки, сооруженные им.

Я рассказал о полной нашей неудаче и о том, что вообще вчера не было там никакого клева и что только один местный рыбак поймал десяток окуньков, а другие, как ни обрубали^[5] его со всех сторон, – ничего не получилось. Саша – в стремлении доказать мне и чтобы я сам поймал – даже просил рыбака-удачника, чтобы тот отодвинул ящик, и хотел на месте его ящика бить лунку. Но рыбак, конечно, не подвинулся, напротив, выругался.

Герман только говорил время от времени:

– Так. Понятно. Бывает. Ясно.

Однако он, видимо, почувствовал, что теперь-то и решается вопрос: быть мне рыбаком-подледником или не быть. Положение он, конечно, оценил как почти безнадежное, катастрофическое, иначе не принял бы столь решительных, чрезвычайных мер.

– Так. Понятно. Собирайся. Сегодня вечером мы поедем на Сенеж. Переночуем в Доме рыбака, а завтра выйдем на лед.

– Да ведь бесклевье... Везде ведь, наверно, одинаково. Да и вообще это все авантюра, чтобы зимой, из-подо льда на удочку...

– Так. Понятно. Собирайся. В шесть часов вечера выедем на поезде.

По-стариковски Герман облился потом, пока шли в Солнечногорске от станции до Дома рыбака. Нельзя сказать, чтобы в Доме рыбака было привлекательно и уютно. Грязноватый коридор, грязноватые комнаты,

плохо заправленные койки, на которые, видимо, ложатся поверх одеял в грубой рыбацкой амунии. Впрочем, что сетовать: тепло, не дует, есть старик, у которого можно взять чайник с кипятком, а удовольствие стоит всего шесть рублей за ночь.

Рыбаки-пенсионеры (в будний день не бывает других на водоеме) вернулись со льда и теперь пили чай.

– Ну, как ловится рыба? – приветствовал их с порога Герман своим громким от глуховатости голосом. Рыбаки ничего не ответили на это первое приветствие, и по одному этому можно было судить, что дела не блестящи. Один все же смилостивился:

– За целый день три поклевки. Не пойдем, в чем дело. Может быть, погода собирается ломаться. Не было бы завтра сырой метели. Ведь перед ненастьем за два дня прекращается всякий клев.

– Ну, вот видишь, – упрекнул я Германа, – стоило тащиться в такую даль.

– Не обращай внимания. Они не знают. (Последнее было сказано только для меня, то есть с точки зрения Германа, шепотом, на самом же деле на всю комнату.)

Уверенность Германа была наивна, но тверда. Не поверить в нее было невозможно.

В комнату приходили новые рыбаки, отсидевшие день на льду. Все они говорили, что нет никакого клева и что все они с пустыми руками. После каждого такого рыбака я смотрел на Германа вопросительно, а Герман неизменно отвечал:

– Не обращай внимания, они не знают.

– Это что же такое мы не знаем?! – возмутился один рыбак.

– Не там ловите. Надо идти по плотине до берез. Дойдешь до третьей березы, сворачивай на лед. Отмеряй по льду пятьдесят шагов, руби лунку. В самое глухое бесклевье будете с рыбой.

– Герман, что же ты наделал? Зачем рассказал свой секрет? Теперь они все завтра сядут там, где ты сказал, а нам ловить будет негде.

– Ты думаешь? А мне как-то не пришло в голову.

Утром мы пошли к злополучной третьей березке. Восемь рыбаков сидели кучкой, отмерив ровно пятьдесят шагов от березы, как научил их Герман. Все они энергично работали руками кверху – вниз, то есть таскали рыбу. Эх, Герман, Герман!

Снегопад все усиливался. Пришлось, прежде чем рубить лунку, расчищать место от снега.

Как и вчера, размотал я удочку, как и вчера, положил мормышку на дно. И только положил, только собрался приподнять ее хотя бы на сантиметр, как сторожок мой дернулся вниз. Я рванул удочку кверху и услышал, что к мормышке вроде бы прицепилась тяжеленькая гирька. О, как осторожно, с какой тщательностью я вытягивал наверх моего первого зимнего окунька. Наконец мордочка его высунулась из заснеженной лунки.

Окуnek оказался маленьким и щупленьким, но не зря гласит народная мудрость: лучше маленькая рыбка, чем большой таракан.

Дрожащими от волнения руками скорее опустил я мормышку на старое место, благо мотыль остался цел. Вот я кладу мормышку на дно, вот собираюсь ее приподнять – стук! Новенький окуnek оказался на мормышке. (Между прочим, выражение о зимнем клеве: «стучит», «стукнул», «не стучит» – очень точное, ибо во время поклевки через всю удочку к руке передается короткий, энергичный толчок, вроде как удар – окунь стукнул.) Засим началась чисто механическая работа. Заправляешь удочку в лунку – не так-то это просто: тончайшая леска путается на ветру, ее относит в сторону, а в стороне она цепляется за бугорки, осколки льда и прочее, – потом следует кивок сторожка, потом

вытаскиваешь леску опять на лед, стараясь, чтобы она ложилась кольцами, а не путалась как попало. Потом снимаешь окунька, отбрасываешь его в кучу, поправляешь или надеваешь мотыля и снова заправляешь удочку в лунку.

Начал лепить обильный мокрый снег с ветром. Снег то и дело залеплял лунку, и тут вступала в дело шумовка. Самих нас совсем залепило и замело, а мы как заведенные вытаскивали абсолютно одинаковых стандартных щупленьких окуньков.

В конце ловли пришлось глубоко разгрести снег, для того чтобы собрать весь улов. Разумеется, все окуньки были пересчитаны, и оказалось их у меня сто девятнадцать штук.

Герман торжествовал. Герман обещал мне в дальнейшем золотые горы, потому что он знает все водоемы под Москвой, и не просто знает, а именно вот так: от какого дерева сколько шагов отмерять. Правда, было и у него слабое место, или, лучше сказать, мечта.

Несколько раз в то время, как мы таскали мелочь, Герман глубоко вздыхал и мечтательно, почти с горечью, говорил:

– Эх, есть на земле водоем и не так чтобы очень далеко. Но очень уж трудно добираться, с пересадками. А потом еще пешком километров пятнадцать или двадцать. Туда нужно только на машине. Но все равно когда-нибудь соберемся. Я-то уж тридцать лет собираюсь – не соберусь.

– Какое такое место?

– Эта мелочь что! – не слыша меня, мечтал Герман. – Это одна забава. Там вдруг подходят окуни и ломают у мормышек кованые крючки. А уж лески рвут – я не говорю. Ты представляешь: кованый крючок – и пополам... Мечта моей жизни.

– Да как называется то место?

– Есть на Большой Волге в Калининской области городок Конаково... Волга перегорожена плотиной, затопила окрестные луга. Местами образовались глубокие заливы в лесу, местами образовались острова, местами в водохранилища впадают небольшие речки. Эх, да что говорить, сердце начинает болеть, как вспомнишь про Конаково. Ты представляешь себе: кованый крючок – и пополам?!

– Да ведь ты не был там!

– Правильно, не был. Но верные люди говорили.

На обратном пути с зимнего лова в электричке ли, в машине ли, как только чуть-чуть согреешься, невозможно не уснуть. Мне снился дергающийся вниз сторожок и окуневые мордочки, высывающиеся из заснеженной лунки.

А Герману скорее всего снились лесные заливы возле города Конаково.

В эту зиму я больше ни разу не собрался на лед. Видимо, не так еще сильно зацепила меня эта зимняя рыбалка. Да и обстоятельства складывались неблагоприятно. Но все же именно этой зимой получалась у меня ну, что ли, предпосылка для дальнейшего хода событий.

На съезде российских писателей в коридоре познакомили меня со славным писателем-патриархом Иваном Сергеевичем Соколовым-Микитовым, тончайшим знатоком и нашей русской природы, и нашего русского слова. Тут, конечно, разговор о весне, об охоте, о рыбной ловле. Я ввернул в разговор, что вот, мол, мечтаю как-нибудь побывать в одном месте, называется что-то вроде Конакова. Иван Сергеевич руками всплеснул от неожиданности:

– Да у меня же там дом! А когда бы вы хотели?

– Поздней осенью.

– Это плохо. Я в это время уж в Ленинграде. Но вот сейчас я напишу записку моему племяннику Борису

Петровичу. Вы просто так, погулять, отдохнуть?

– Что вы, я рыбак-подледник.

– Тогда попадаете в точку. Там действительно превосходные рыбы пастбища.

Вот как! Ни больше ни меньше как рыбы пастбища. Не просто водится рыба, не просто ее там много, а пастбища, то есть, значит, стада, табуны, косяки, отары. И между прочим, записка к Борису Петровичу у меня в кармане. Жаль вот только, теперь весна, и записке придется бездействовать до глубокой осени. Ладно, будем готовить снасти!

...Разумеется, Саша успел поставить новую рессору, и от дому мы отъехали без приключений. Однако на окраине Москвы выяснилось, что отказало освещение. Опять короткая консультация с водителем такси.

– Ничего не поделаешь, – как и в прошлый раз, говорил водитель, – надо около тротуара, со скоростью двадцать километров, ехать домой. (Как не понимают люди, что, если несколько месяцев собирались туда, где «превосходные рыбы пастбища», уж завтра, не далее чем завтра, можно увидеть, как дергается сторожок, откладывать поездку нельзя!) Хорошо, что пока еще сумерки. По разъезженным, по теперь окаменевшим подмосковным дорогам ищем некую автобазу, где, может быть, сумеют починить «Москвича». Какие-то бараки, строящиеся дома, неподвижные в этот час краны, заборы... (Сидеть бы сейчас в консерватории, слушая музыку, или в кино, или интересная книга, или просто попить чайку в семейной обстановке.)

– Стой, Саша, вон какие-то широкие ворота, может быть, это и есть автобаза.

Ворота закрыты. Нужно идти в проходную к вахтерам. Саша – Герой Советского Союза. Теперь это помогло бы, но мы в рыбацкой одежде, в нелепых шубах, ни у него, ни у меня никаких документов, кроме

прав водителя, да и права-то несолидные, любительские.

В проходной топится железная печка, на ней закоптелый чайник. Вахтер – небритый рыженький мужичонка в стеганке, подпоясанной солдатским ремнем.

– Да вы что, граждане, рехнулись совсем? Могу ли я постороннюю машину ночью на территорию пропустить? Да и разошлись уж все, нынче ведь суббота, вот и товарищ инженер подтвердит.

В будку, со стороны «территории», вошел молодой мужчина (значит, инженер), впрочем, тоже в стеганке.

– Да вот мы... на рыбалку... Герой Советского Союза... писатель... понимаете, такая незадача.

– Семеныч, открой ворота, там еще остались ребята, поглядят.

Заехали в огромное крытое помещение, где множество машин, эстакады для их ремонта, станки. Полутемно, пустынно, тоскливо. (Наши жены, наверно, думают, что мы далеко, во всяком случае, едем. Им и в голову не придет, что мы сидим на автобазе и русский паренек озабоченно копается во внутренностях Сашиного «Москвича».) Для рабочих базы, тех нескольких человек, что не ушли еще домой, наш «Москвич» – разнообразие и развлечение. Все они собрались вокруг, разговариваем.

– А правда ли, говорят, что в прошлом году автобус с рыбаками под лед ушел?

– Не автобус, а грузовая машина с фанерным верхом.

– Ну и как же?

– Мы там не были. Говорят, грузовик попал на полынью, затянутую свежим ледком, и тогда как передние колеса зацепились уж за твердый лед, задние проломили корку, и машина встала вертикально Ну, а

рыбаки как же? Ну... и рыбаки, куда же денешься, к тому же в шубах.

– Говорят, фары в воде долго светились?

– Нет, фары остались наружи. Сказано, машина встала вертикально. Дверца из фанерного кузова была сзади, как раз на дверцу машина-то и встала.

– Да, история.

– Да. Там ведь если не захлебнешься, заledenеешь.

– А вот вы не поверите, братцы, – заговорил вдруг пожилой уж человек, – что я в войну, держась за обломок бревна (а бревно в льдину вмерзло), восемь часов в воде сидел.

– Ври больше, – горячо возразил паренек, так примерно сорок первого года рождения. – Не способен на это человек. Ледяная вода... Переохлаждение организма... Полчаса, и готов.

– Какие вы ученые – переохлаждение! А я говорю, восемь часов в зимней воде просидел.

– А почему?

– Светло было, чуть шевельнешься – очередь. Или снаряд. Простреливалась вся река. Товарищ мой не выдержал, отпустил бревно, поплыл. Через десять метров накрыли, как все равно горстью гороха бросили. Думаю, пуль пять в него шлепнулось. А я восемь часов сидел.

– И жив остался? Не поверю.

– Так вот же я, разве не видишь, что жив.

– Врешь, – начал всерьез горячиться паренек военного года рождения.

– Переохлаждение организма. Чудес, папаша, на свете не бывает.

– Ах ты, щенок, это я-то вру? Чудес не бывает! А Москва? Немцы в семи верстах были – не чудо? А вся война? Где ты был в сорок первом году?

Спор становился все горячее. Но «Москвич» уже светился всеми фарами и подфарниками. Так мы и не

дослушали спора между двумя русскими людьми насчет того, может ли человек просидеть, не двигаясь, восемь часов в воде, или все-таки чудес не бывает?

Из тьмы со стремительной скоростью летели нам навстречу белые хлопья снега. Они вылетали, казалось, из одной точки. Но чем ближе подлетали к стеклу, тем больше рассыпались веером, так что только некоторые снежинки шлепались о наше стекло, другие обтекали машину вместе с ветром, вместе с темнотой, снова смыкавшейся сзади автомобиля.

Как ни подхлестывал Саша «Москвича», время было потеряно на автобазе, да и дорога ослизла от снегопада. К тому же немного поплутали, запутавшись в трех последних деревнях. Все это кончилось тем, что к дому Бориса Петровича мы приехали за полночь. Огня уже не было. И если бы хоть чуть потеплее было в не отапливаемом «Москвиче», право, мы не решились бы стучаться к незнакомым, не ждущим нас людям.

На третий стук засветились окна. Борис Петрович, открыв, не спрашивая, кто мы, пустил в избу, а там уж и спрашивать не пришлось. Во-первых, по наряду увидел, что рыбаки, во-вторых, я поторопился вручить ему ту самую, полгода хранимую записку.

Хозяин дома оказался мужчиной за сорок, с лицом красным и обветренным, как у старого полярника. Его жена Клавдия Георгиевна, выйдя из-за перегородки, так и осветила всю комнату радушием и гостеприимством. Тотчас появились на столе свойские грибки, своякая капуста и, уж конечно, свойские жареные окуни. Ого, если бы вот тот окунь попался нам с Германом на Сенеже, было бы событие на весь Дом рыбака, да и на все достославное озеро Сенеж.

Между прочим, Борис Петрович сказал нам, что мы завтра должны подняться в шесть и тогда он сам проводит нас на нужное место.

Надо ли говорить, что зимой в шесть утра так же темно, как и в любой другой час ночи. Не начинало брезжить, когда мы, попив чаю, с трудом разогрев машину, тронулись еще дальше, хотя считали вечером, что Борис Петрович – край нашего пути и что дальше ехать некуда. Ехать же, оказывается, нам пришлось еще километров двенадцать.

– Теперь слева от нас все время Волга, – Борис Петрович кивнул головой налево. – Теперь мы едем все время по самому ее берегу.

Но ничего, кроме начинающей сереть мглы, мы не могли увидеть слева. Зато по дороге мы то и дело видели пешеходов, идущих вперед спешащей, уверенной походкой, как бы боящихся опоздать к началу очень важного или интересного.

– Густо рыбаки нынче идет, – заметил Борис Петрович. – Это все наши местные ребята.

Местные рыбаки были одеты не как мы: не в тяжелые шубы, а облегченно, все больше в короткие тужурки. Да оно и понятно: десять-двенадцать километров пешком в нашей одежде не пройдешь. Потом мы увидим, как местные рыбаки будут энергично перебегать с места на место в поисках обильной лунки, в поисках матерых окуневых стай, делая перебежки по километру и более, тогда как мы все больше на одном месте. У местных рыбаков редко встречаются деревянные ящики, но почти сплошь железные банки (по форме – сплюснутое ведро), на которых они и сидят. Не знаю, почему такая мода и почему это удобнее деревянного ящика.

Мы думали, что чем дальше мы теперь едем, тем будет все пустынное и дичее, как вдруг показалось скопление автобусов, грузовиков, легковых машин разных марок, всего, вероятно, более ста. Скопление было беспорядочным, радиаторами в разные стороны,

как если бы пробка на переправе и уже начинается паника. Борис Петрович ответил на наше недоумение.

– Мыс. Дальше и мы не поедem. Дальше только вдвоем. Вот в январе можно будет ездить по льду, теперь придется пешком.

От скопления машин с горочки спускались на белую многокилометровую скатерть водоема черные вереницы людей. Они шли сначала все по одной тропе, а потом километрах в трех от мыска разбредались в разные стороны, густо заполняя даже такое большое пространство, как перегороженная плотиной, затопившая окрестные берега матушка Волга.

– Ну-с, наша дорога особая. Вешайте ящики через плечо, пешни поволокем за веревочки. Держитесь за мной.

Борис Петрович повел нас не по общей тропе, по которой почти бегом (как золотая лихорадка) уходили на лед все новые и новые вереницы людей, а правее, вроде бы даже и не по льду, потому что в этом направлении не было льда, а была бугристая, заснеженная земля.

Вскоре мы поняли, что идем, пересекая многочисленные, глубоко врезавшиеся в сушу заливы, этаким лабиринт заливов. Местами поверх льда торчал сухой темно-желтый камыш. Он железисто шелестел под зимним ветерком или когда мы задевали за него, пробираясь к цели. Местами вдруг открывались светлые участки льда, с пузырьками вмерзшего в лед воздуха. Сквозь лед, как сквозь аквариумное стекло, виднелись коричневые густые водоросли. Местами мы опять выходили на сушу, может быть, пересекали остров, и тогда вместо камыша нас встречали сосенки, мелкий березнячок, кусты можжевельника.

Я уж говорил, да это и само собой понятно (нужно только напомнить), что идти в одежде зимнего рыбака тяжело. Мы сильно нагрелись, и дорога (то есть

расстояние, ибо мы шли без тропы) стала казаться слишком длинной, как вдруг перед нами, словно в сказке, вырос ладный бревенчатый дом.

– Ну вот, – сказал Борис Петрович, – здесь живет Володя Винокуров со своей матерью Варварой Ивановной. Вы можете приезжать сюда в любое время – и днем, и ночью, всегда будет ночлег, горячая уха, чай.

Володя Винокуров стоял на крыльце, разглядывая нас с высоты четырех ступеней. Большой черный пес – сибирская лайка – рвался с цепи, жажда познаться с пришельцами.

Изба, куда мы вошли, была по типу просторной крестьянской избой, и только обстановка ее противоречила обыкновенному быту обыкновенной крестьянской семьи. То есть никто не сказал бы, что здесь живет пахарь и сеятель со своей работающей женой да кучей белоголовых ребятишек. Ружье с патронташем, висевшее на стене, пустые ружейные гильзы, валяющиеся на столе и на подоконниках, старая, кофейного цвета, пятнистая охотничья собака, зимние удочки и зимние жерлицы, во множестве лежащие там и тут, пешня, стоящая возле порога, ну и другие, может быть, не сразу уловимые приметы говорили о том, что здесь живет вовсе не пахарь, а охотник и рыбак, скорее всего егерь, как оно потом правильно и оказалось.

Около русской печи отгорожены в одну сторону кухня, в другую – спальня. Две железные койки студенческо-солдатско-больничного образца стояли на виду в передней горнице, три койки – за перегородкой в спальне. Ну, и чтобы сразу же представить жильцов: Володя Винокуров, лет тридцати, такой же обветренный и красный, как и Борис Петрович, только гораздо худощавее; Варвара Ивановна, высокая и костистая старуха за восемьдесят, расхаживающая по избе босиком. Потом оказалось, что иногда она и на улицу

выходит босиком, например, чтобы дать корма Кузе – той самой сибирской лайке, что сидит на цепи.

В этот дом, к его обитателям, мы еще вернемся вечером. Тогда будет время познакомиться с ними поближе. Теперь мы на скорую руку перекусили, и Борис Петрович поставил перед Володией вопрос ребром: где сегодня будем ловить?

– Так ведь если по-настоящему ловить, надо бы на Корчеву.

Эх, Герман Абрамов, Герман Абрамов. Ты мечтал о самом лишь Конакове. А мы вот заехали далеко за Конаково, потом еще дальше зашли пешком, на этот прямо-таки сказочный островок со сказочной избушкой на нем, а теперь вот пробираемся еще дальше, и ждет нас некая неведомая Корчева!

Но и на Корчеве, правда небольшими группками, там и сям чернели точки рыбаков. Совсем рассвело, день вошел в полную силу. Впрочем, мало было силенок у этого позднего ноябрьского дня. Серое плоское небо распространилось низко, как потолок, над плоским же, без бугорка, водоемом. Может быть, Волга и мерцала бы голубыми снегами, может быть, она полыхала бы голубым морозным огнем, если бы простиралась над ней глубокая чистая синева и солнышко висело посередине.

Небо как бы бросало тень на чистые, ослепительно белые, в сущности, снега. И вот они, чистые и ослепительно белые, тоже казались серыми, почти темными, а вовсе не голубыми.

Голые прутья краснотала, которые прекрасно сочетались бы с возможной голубизной, торчащие из снега на нашем берегу, да черненькие цепочки деревень на дальнем, противоположном берегу Волги – вот и все разнообразие пейзажа.

Саша по своей проворности и опытности первый прорубил лунку, первый опустил мормышку. Мы

занимались каждый своим делом и не обращали на него внимания. Вдруг он вскрикнул. Оглянувшись, как по команде, мы увидели Сашу, полного растерянности. В руках он держал то, что осталось от удочки.

«Это вам не Водники какие-нибудь, а Корчева», – торжественно светилось в глазах у наших гостеприимных хозяев.

– Какая лесочка-то была?

– Ноль-десять!

– Ноль-десять здесь не годится. Да и мормышки поставьте тяжелее. Глубоко. Маленькая долго будет тонуть.

Судорожно стал я заправлять удочку в лунку. Крохотная мормышка – гордость фирмы Германа Абрамова – тонула лениво, почти не тонула. Володя Винокуров понаблюдал за моими действиями, сжалился и довольно грубо мне выговорил:

– Говорю, ставь тяжелую мормышку.

Я поставил, и свинцовая капля бойко пошла в глубину. Но вот странно, и эта капля перестала тонуть. Леска, которая так и текла в лунку, вдруг остановилась и легла на лунке кольцом. Чудно. Судя по глубомеру, мормышка не прошла и половины расстояния.

– Да у тебя уж сидит, тащи!

Я потянул кверху, и правда – услышал тяжесть. Значит, окунь взял «с полводы» и так и стоял с мормышкой во рту. Оттого-то она и не тонула. Окунишка был приличный, «из ровных». На Сенеже нужно вытащить штук пять, чтобы сравняться с этим.

Итак, прелесть и драгоценность водоема прояснилась с первых минут. Главная прелесть в том, что есть чего ждать. Да, иной раз и здесь повадится вешаться на крючок мелочь, вроде как на Сенеже или в Водниках. Но там сиди хоть сто лет – ничто другое уж не возьмет. А здесь отойдешь метров двадцать, сделаешь новую лунку, и вдруг пойдет «мерный», или

«ровный», или «горбыль», а потом вдруг и «лапоть». А потом, если верить фольклору, и кованый крючок пополам.

Стоит пояснить, что у рыболовов существует свое разделение окуня. Мелочь, ну она и есть мелочь, – поперек ладони длиной; «ровный», или «ровненький» – потяжелее, посолиднее, потолще, похож на рыбу; «мерный» – еще солиднее, таскать его одно удовольствие; «горбыль» – вовсе хорошая рыба, ее и людям не стыдно показать. Обыкновенно, когда показываешь «горбыля», люди ахают: «Ах, какая хорошая рыба! Где вы ее взяли?»; «лапоть» если лапоть, едва проползает в лунку, сам почти черный, перья – темно-алые, полос уж почти не видно; дальше по шкале идут редкие экземпляры, названия им придумать невозможно. Они выше всяких названий. Они – мечта.

Но все же самое большое удовольствие, когда попадешь на стаю мерных, тяжелых окуней, и чувствуешь, что стая устойчивая, и начнешь беспрерывно таскать одного за другим.

К часу дня клев стал затихать и вовсе прекратился. Мы начали ходить с места на место в поисках добычливых лунок. Поглядев вдаль, можно было заметить, что и другие рыбаки там, в своей дали, тоже меняют лунки.

– Ходит рыбак, – резюмировал Саша, – клев прекратился.

Саша, увидав, что какой-нибудь рыбак, даже и вдалеке от нас, энергично работает руками, тотчас бежал туда, чтобы «немедленно обрубить». У него вообще принцип – где рыбак, там и рыба. Он любит прилипнуть к куче, занимая там самую ловкую лунку.

Я пошел искать удачи вдоль бережка и вдруг заметил в одном месте, что вроде как ручеек впадает в водоем. Все подо льдом и под снегом. Может быть,

просто сухая канава, но, может, и ручеек. Немедленно я прорубил лунку в трех метрах от устья предполагаемого ручейка.

В это время на льду произошло заметное событие. Появилась новая группа рыбаков. Впереди шел молодой человек в белом военном полушубке и нес пешню и ящик; сзади шел молодой человек в белом полушубке и нес чемодан (скорее всего, с провиантом); между ними шел пожилой человек в новой похрустывающей канадской шубе. Он нес удочку. Группа расположилась в пятидесяти метрах от меня. Молодой человек с пешней прорубил лунку, другой молодой бросился шумовкой вычерпывать лед. Потом я потерял из виду своих соседей, ибо у меня вдруг пошел непрерывный мерный окунь.

Очнулся я оттого, что молодой человек в белом полушубке, запыхавшись, прибежал ко мне.

– Скажите, пожалуйста (самая вежливая интонация), на какую мормышку вы ловите?

Я показал. Молодой человек убежал. Некоторое время у соседей царила сосредоточенность. Перевязывали мормышки. Через четверть часа молодой человек в белом полушубке прибежал снова.

– Скажите, а сколько мотылей вы насаживаете на крючок?

– А вы?

– Изощряемся. Насаживаем одного мотыля – и того колечком, то есть за голову и за хвостик.

– Ну а я насаживаю сразу по четыре мотыля, и всех за голову.

Еще через четверть часа (около моей лунки яркими красками горела грудa окуней) прибежали оба молодых человека в полушубках.

– Скажите, а где берет: со дна, с полводы, а может быть, у самого льда? Так ведь тоже бывает. Говорят, что водяные жучки примерзают ко льду и вот окунь

поднимается со дна и отщипывает, буквально отгрызает от льда этих жучков.

Я признался, что берет на разной глубине, но преимущественно на четверть от грунта.

– А мы уж и так и сяк, и на шевеление в грунте...

Мне тоже захотелось пошевелить мормышкой в грунте, хоть и не было в этом нужды при таком-то клеве. Вот мой «клопик» улегся в тонкую пленочку ила, вот я его сейчас с боку на бок... Вот немного приподниму... Однако отчего же не поднимается? Зацеп? Жаль. Хорошая была мормышка. Нет, вроде прошло. Скорее всего, зацепился за тяжелую гнилушку, и вот гнилушка отделилась от дна, выдержала бы только леска.

Началось все с половины воды: и леску, и удочку, и мою руку вместе с ними потянуло вниз так, что рука окунулась в лунку и я едва не отпустил удочку. Бессознательно я удерживаю удочку посередине лунки, чтобы ни в коем случае она, натянутая до предела, не чиркнула по кромке льда. Секунды две отдыхали и я, и окунь. Потом я стал его тихонечко поднимать, потом все повторилось: до половины воды супротивник шел как чурка, в нужном месте уперся, остановил мою руку и уверенно притянул ее к самому льду.

Надо бы кричать сразу, но я онемел от счастья. Раз пятнадцать мы играли, кто кого перетянет. С каждым разом мне удавалось подтянуть добычу все ближе и ближе к лунке. Когда наконец я подтянул ее совсем, выяснилось, что рыба в лунку не пролезает. Вот тут-то я закричал.

Оглянувшись, я не увидел никого поблизости от себя, кроме человека в канадской шубе. Его подручные в белых полушубках, как на грех, куда-то отлучились в это время.

– Эй, товарищ! – закричал я. – У меня окунь в лунку не пролезает. Помогите!

Скорее всего, человек, страдающий от бесклевыя, принял мои слова за насмешку, во всяком случае, он поглядел в мою сторону и снова уткнулся в лунку. Что со мной случилось, не знаю. Наверное, это от сознания, что такое в жизни больше не повторится. Но я вдруг закричал и заругался благим матом.

Смотрю, и нелегко ему в канадской шубе, при полноте, при возрасте, а бежит, запыхался.

– Ну что у вас, что-нибудь серьезное?

– Надо расширить лунку, только осторожнее, не ударьте по леске.

Работа была не из простых. Второпях, в азарте, в горячке. Леску, в сущности, не видать, она сливается со льдом и водой. В лунке после первых ударов пешней образовалось ледяное крошево.

В это время и Саша прибежал на шум. Он сразу понял, что происходит.

– Дай подержаться, дай подержаться, – умоляющим голосом просил он. Сладко было бы ему послушать хоть одну секунду, как ходит на удочке большая рыба. Но я и сам ни за что не мог бы выпустить удочку из рук.

– Тихонечко поднимай, вводи его в лунку, а я поддержу шумовкой.

Саша погрузил шумовку в лунку и отрезал окуню путь в родную стихию, если бы даже в последний момент и не выдержала леска. Вместе с крошевом льда под шумовкой Саша выворотил рыбину на снег. И тут нам самим не поверилось, что такая рыба могла попасться на столь хрупкое и примитивное сооружение, как моя зимняя удочка.

Сосед, пришедший ко мне на помощь, радовался больше меня, как будто именно он поймал окуня и больше уж ему ничего не нужно.

– А знаешь ли ты, кто это? – спросил меня потом молодой человек в полушубке, придя посмотреть добычу.

- Откуда мне знать?
- Маршал Н.
- Быть не может! Ах, какая неловкость, я ведь его, кажется, того... по-русски...
- Ну ладно, рыбаки все равны. Главное, что он доволен.

По обратному пути на остров только и разговоров было, что о моей удаче. Спорили, между прочим, сколько он потянет. Я говорил, что в нем будет не меньше полутора килограммов. Саша давал на триста граммов меньше. Борис Петрович убеждал нас, что это самый типичный килограммовый окунь. Володя шел молча и ухмылялся.

Вскоре к нам присоединились местные рыбаки, разговор принял другое, интересное, я бы даже сказал, необыкновенное направление. То есть направление-то, может быть, и обыкновенное, но вещи говорились при этом удивительные.

Местные рыбаки, узнав в Борисе Петровиче своего знакомого, во всяком случае, тоже местного, стали спрашивать, где мы ловили.

- Да ведь что, - отвечал им Борис Петрович, - сначала мы попробовали у собора, потом перешли на угол Главной улицы и Базарной, а потом уж сидели возле женской гимназии.

- Ну, а этого где он выворотил?
- Этого там, далеко, ближе к городской тюрьме.
- Нет, я замечал сколько раз, что хорошо берет, вот знаете, около собора речка текла, ручеек, мостик через него, а на другом берегу луговинка, тут еще старушки богомолки все отдыхали, поздней обедни дожидаясь. Вот на этой луговинке, ближе к ручейку, на самой кромочке отменный бывает клев!
- Интересно. Надо когда-нибудь попробовать. Сначала, слушая этот разговор, я подумал, что нас с

Сашей разыгрывают. Но нет, говорят серьезно. Борис Петрович обстоятельно объяснил:

– Разве вы не знаете, что был такой город Корчева? Небольшой купеческий городок, однако все как следует: и собор, и трактиры, и разные магазины, и гимназии, и базар, и сады с огородами, и ремесленники, и герани на окнах, и извозчики, и гостиница, и богоугодные заведения...

Когда образовалось Московское море, которым мы теперь идем, город подвергся затоплению: ведь все, что вы теперь видите, – Борис Петрович показал на ледяные просторы, – все это затопленная земля: луга, овраги, перелесочки, деревни. Так что ничего чудного нет. Просто мы помним, где что было: где ручеек, где мост через ручеек, где базар, где больница.

Мы только мечтали про себя, что сейчас придем, отдадим Варваре Ивановне рыбу и хорошо, если бы она сварила уху. Однако к нашему приходу огненная (даже пару не видно) уха была готова. Варвара Ивановна сварила ее в ведре, предназначавшемся для этой цели, да так в ведре и поставила на стол. Когда мы спросили, из какой рыбы Варвара Ивановна сварила уху, Володя повел нас через сени в холодную избу, и мы увидели наваленную грудой на полу рыбу, таких же окуней, как наши. Их было, вероятно, килограммов сто, не меньше.

– Долго ли мне, – объяснил Володя, – на час выбегу – бадья. Теперь уж не хожу – девать некуда. Только ради вас на лед вышел. Съедем, снова буду ловить.

– Да тут на всю зиму.

– Рыбаки, вроде вас, останавливаются. После неудачного дня подбросишь ему в ящик десятка три, чтобы жена в Москве обрадовалась. Конечно, рыба у меня здесь как дрова...

Мы поскорее ушли из холодной избы, чтобы не развратиться. А то насмотришься на эту грудку, и

пропадет интерес таскать по одному окуньку из морозной лунки.

Перед огненной ухой, с мороза (и больше уж не идти на мороз), нельзя было не выпить по стопочке. Володе мы, правда, налили стакан, правильно посчитав, что ему, живущему на острове, на свежем воздухе, наша мерка была бы маловата.

– Варвара Ивановна, а вы что же с нами, а? Приобщились бы.

– Разве уж маненечко... половиночку...

Налили стаканчик и старухе. Она выпила его с видимым удовольствием, закусил городской едой: колбаской, буженинкой, маслицем.

Окуней в уху было положено без жалости, оттого уха благоухала и радовала.

– Варвара Ивановна, может быть, еще с нами по одной?

– Еще?!

– Ну а что: печка рядом.

– Разве уж маненечко... половиночку...

После мороза, ухи и ста граммов сон сшибает немедленно и наверняка. Я устроился за перегородкой, в спальне, и последней моей, уже туманной мыслью было: завтра с утра опять можно идти на лед, опять будет клев и разнообразные, от мелочи до лаптя, окуни. Какое счастье!

А ночью мне снилась Корчева. Как в немом кино, безмолвно ходили по улицам люди, одетые не по-нашему, но в картузах, с лаковыми козырьками, в сборчатых поддевках и сапогах. Купчихи и купеческие дочери – в длинных платьях, с разноцветными шальями на плечах, как бывает только на картинах Кустодиева. Тут же извозчики (пассажирка под зонтиком), гимназистки в белых фартучках. В трактире степенные мужики пьют чай «парами», время от времени они стучат крышкой чайника, подзывая полового. Но вместо полового к ним

подплыл вдруг мой окунь и человеческим голосом проговорил:

– Не там ловите. Надо около собора, на поляне, где старухи богомолки поздней обедни дожидаются...

Между прочим, в моем окуне оказалось всего лишь семьсот граммов с небольшими граммами...

Теперь чаще всего мы ездили на остров без заезда к Борису Петровичу, чтобы не беспокоить его каждый раз. На остров к Варваре Ивановне и Володе мы приезжали иногда и совсем поздней ночью. Да еще в метель, снегопад не сразу отыщешь милый нам уютный островок среди других островов и заливов. Особое место в нашем быту на острове занимали ночные невольные бдения.

Дело в том, что зимой темнеет рано. В четыре часа, в пятом пора уходить со льда, и, значит, к шести с ухой покончено.

В это время нас сваливал крепкий сон. Помню, в первый раз я проснулся и стал ждать рассвета. Чувствовал, что больше не усну. Поворочался с боку на бок час или полтора, слышу, и товарищи мои начали ворочаться. Спрашиваю у соседа по койке:

– Иван, сколько времени?

– Половина десятого.

Чтобы не мучиться всю ночь, помнится, мы тогда встали, разогрели чай, начали рассказывать, кто что может, и только в первом часу уснули снова, на этот раз до утра.

Между прочим, именно во время этих бдений кто-то из друзей высказал мысль: «А что, если бы Литфонд купил эту избу и устроил бы Дом рыбака для писателей?»

– Ну вот. Сейчас ты приезжаешь сюда в любое время дня и ночи, а тогда полгода будешь ждать очереди: все путевки проданы!

Здесь же, на острове, Иван проводил испытания нового способа ловли, соответствующего двадцатому веку и, так сказать, вполне достойного современного этапа развития человечества.

В «Рыболове-спортсмене» Иван вычитал, что нужно взять стеклянную литровую или пол-литровую банку, налить в нее воды, пустить в воду несколько штукек мотыля, а еще лучше малька, провести в банку электрическую лампочку и все это наглухо закрыть. Лампочка должна быть соединена с батареей, хранящейся в кармане рыболова. В нужное время банка с горящей лампочкой опускается на дно. Главная идея, по мнению автора, состоит в том, что окуни будут хорошо видеть мотыля, плавающего в банке, а также и малька. Они будут собираться стаями, обступая банку со всех сторон, желая полакомиться или, может быть, просто созерцая. Отчего же не предположить у окуней обыкновенной любознательности. Тут-то рыболов и должен рядом с прозрачным, скрытым за стеклом банки мотылем опускать рыбе под нос своего, вполне доступного, но зато насаженного на крючок мотыля.

Неизвестно, как клевало у автора статьи, но Иван определенно клюнул на его идею. Целую неделю он испытывал техническое рационализаторское приспособление в ванной, а затем перенес опыты на естественный водоем в район Григоровых островов на Большой Волге, а попросту говоря, на наш излюбленный островок.

Скорее всего, рыба разбегалась от банки с лампочкой, видя или интуитивно чувствуя подвох, потому что у нас у всех не клевало, оттого что была поглощена необыкновенным зрелищем и ей было не до этого. Может быть, именно любознательность отбивала у нее аппетит.

Однажды Саша Косицын рассказал нам, как он случайно встретился с автором статьи и тот ему

чистосердечно признался, что выдумал электроосветительный способ для того, чтобы напечатать статейку и получить гонорар.

Весной по последнему льду не было смысла ездить на Григоровы острова. Начиная с февраля Ивановская плотина постепенно сбрасывает воду из Московского моря, и вода отступает со временно оккупированной территории. Она уходит с лугов, которые отягчались некогда густыми приволжскими травами, из оврагов, из лесов, порубленных на скорую руку перед затоплением, из старенького купеческого города Корчевы.

Лед садится тогда на землю, вздыбливается холмами. Точно так же, как сквозь одеяло угадываются формы тела спящего человека, сквозь толщу осевшего снега начинают проступать изначальные черты рельефа. Как западней, говорят, захлопывает тогда на отмелях несметное количество всевозможной рыбы. Резко обозначается тогда извечное русло Волги с крутыми бережками (сказано ведь, что меж крутых бережков Волга-речка течет).

Тогда съезжаются на русло любители половить ершей. Мы один раз поймали каждый по восемьсот штук за день. Между прочим, когда нам надоедала под конец чисто механическая работа по выдергиванию небольших, ослизлых рыбок со дна на лед, мы занялись арифметикой и, сосчитав автобусы, стоявшие на мысу, помножив автобусы на количество пассажиров-рыболовов, а также помножив все это на наш улов, пришли к выводу, что в этот день с Волги в Москву было увезено не меньше семи тысяч килограммов ершей.

Один раз весной мы попробовали изменить излюбленному водоему и поехали на Тростнянское озеро.

День был хоть и мартовский, но не ветреный, холодный, неприятный. К тому же, где бы мы ни рубили лунки, где бы ни опускали морышки, ни у кого из нас

не дрогнул сторожок. Как будто в целом озере не осталось ни одной рыбины. Наконец прохожий (тропинка по озеру от села до села) все нам толково разъяснил.

– Теперь рыба сосет струю, а вы, чудаки, поймать хотите.

– Как так – струю?

– Очень просто. Снег тает, под лед ручейками просачивается талая вода. Вот на этих-то струях и держится теперь вся рыба. Да вы вон куда поглядите!

Мы поглядели в сторону села, расположенного над озером на горе, и увидели, что из села к озеру бегут люди, как будто пожар или кто-нибудь утонул. Нужно было узнать, в чем дело.

Недалеко от озера длинной шеренгой стояли жители села: и мужчины, и женщины, и мальчишки. Из узкой грязной канавы, сочащейся у их ног, они небольшими сачками, вместе с черной торфяной жижей, выгребали крупную серебряную плотву. У иных рыбаков находились помощники – мальчишки или девчонки, которые сразу рыбу убирали в мешки. Но вообще-то она лежала вдоль канавы большими шевелящимися грудками. Такой крупной, такой ровной плотвы мы не видавали отродясь.

– Чего стоите, покупайте, жены довольны будут. Мы недорого возьмем.

Самые деликатные из нас арендовали сачки по цене двадцать пять рублей за час, чтобы все же как-никак своими руками.

Мы с Сашей без канители отобрали и побросали в ящики десятка по полтора самых крупных и самых красивых. Этого хватило, чтобы дома с краями наполнить большой эмалированный таз.

До сих пор жена нет-нет да и скажет:

– Что вы ездите на эти Григоровы острова! Съездили бы опять туда, откуда, помнишь, серебряная плотва.

Это был самый лучший твой улов за все годы.

Обыкновенно в начале ноября начинаем звонить по междугородному, вызывая Бориса Петровича.

– Рановато, – отвечает обыкновенно Борис Петрович. – Заливы, правда, встают, вчера я видел – мальчишки бегали по заливам.

– Можно ли пробраться на остров?

– Думаю, что рановато. Волга, во всяком случае, гуляет.

В последнюю осень не хватало нашего терпения и, услышав, что заливы встают, мы выехали на Григоровы острова.

На мыске мы пришли в отчаяние. Волга гуляла как летом. Нигде никаких признаков льда, даже возле берега. А вот на заливах, как ни странно, лед. Как будто нарочно для нас наморозили искусственным способом.

Пошли гуськом, поодаль друг от друга, скользящей походочкой, мелким шажком. Не путешествие, а балет. Миновали залив, миновали протоку. Чем ближе к острову, тем тоньше, ненадежнее ледок – гнется, трещит, пружинит. А сам такой светленький, чистенький, как будто его и нет.

Перед последней протокой пришлось задуматься, потому что по протоке гуляла вода. Легкий ветерок (день был теплый, как бы даже летний) слегка рябил воду и справа и слева. Лишь в середине, против нас, горло протоки перехватило ледком. Впрочем, какой там ледок, не ледок, а пленочка. Казалось даже (так на самом деле и было), водяная рябь, плескаясь и колебля воду, съедала потихоньку ледяную перемышку. А к вечеру (как мы потом увидели) съела ее совсем.

Остров, вот он, на другом берегу протоки. Больше нет никаких преград между ним и нами, кроме как вода. Впрочем, почему вода. Какой-никакой, но есть ледок. Дела не так уж плохи. Неужели возвращаться в

Москву от самой цели путешествия. Каких-то пятьдесят или тридцать метров – чепуха.

Пешнями мы срубили средней величины ольху, обрубали сучья. Получилась длинная жердь, почти бревно. Теперь можно ползти по льду, а жердь толкать впереди себя на всякий случай. Если провалишься, за нее держаться, на ней выплыть на остров, бегом к избе, чтоб не замерзнуть. План четкий и ясный. Однако кто же первый? Нас было четверо. Взгляды наши как-то сами собой собрались все на Саше. Рассуждали мы так: во-первых, ты потяжелее нас, потолще, и уж если ты не провалишься, то проползем и мы. Во-вторых, и самое главное – ты же Герой Советского Союза! Кто же, как не ты, должен подать нам всем пример?

Саша вдруг лег на берег плашмя, и не лег, а как-то очень шустро упал, как падают на учениях в армии, по-армейски грамотно, как если бы показывал новобранцам или сдавал экзамены, по-пластунски устремился вперед. Вот так, как эту жердь, он и толкал впереди себя пулемет, меняя огневую позицию где-нибудь под озером Балатоном.

Прополз он благополучно. Но слегка, пущенная им обратно, доскользила только до середины ледяного пространства. На середине же, медленно повернувшись, как стрелка часов (чтобы еще подальше от нас оказался ее конец), остановилась.

Я тоже ведь когда-то ползал по-пластунски и тоже показывал новобранцам, как это делается. Но, право, теперь я меньше всего думал, высоко ли поднимается у меня задняя часть (именно на это обращают внимание в армии), а думал я о том, когда же пальцы мои дотронутся до такой, казалось бы, близкой ольховой жерди. Ведь и последние полметра могут разверзнуться под тобой. Особенно неприятно во время такого путешествия громкое, под самым животом,

потрескивание льда и белые стрелы трещин, разбегающиеся в разные стороны.

Володя обрадовался нам, посадил нас всех в моторную лодку, и мы через Волгу ушли к устью реки Бабни. Володя уверил нас, что Бабня вся стоит и лед надежный.

Как ни странно, Бабня стояла. Небо было по-летнему голубое, и лед был голубой, и тепло было, как летом, и все было необыкновенно, неповторимо в этот день, не говоря уж о клеве. Такой клев, наверно, никогда больше не встретится на нашем рыбацьем пути.

Что бы такое значило? Сидишь с удочками где-нибудь в Журавлихе или где-нибудь на тихом лесном озере. Желтые кувшинки, белые лилии, которые, правда, не распустились еще в ранний рассветный час, но воображение уж видит их – чистые, свежие, голубоватые, потому что прямо над ними ничего нет, кроме яркой, безоблачной синевы. Сквозь деревья пробиваются и ложатся на воду первые розоватые пятна – заря.

Тепло. Пахнет речным туманом, который успел оторваться от воды и путается теперь в вершинах прибрежных деревьев, в верхушках черного елового леса на том берегу.

Пахнет мятой-травой. Наверно, вытирая руки пучком травы, размял стебель мяты, и вот теперь разливается в неподвижном воздухе ее крепкое, с холодком, благоухание.

Прислушаешься – птицы поют, приглядишься – сонные капли росы на траве и цветах. Благодать. К тому же сейчас, может быть, в следующую секунду, дрогнет как в зеркало впаянный поплавок и, морщина зеркало и разрезая его, уверенно пойдет вкось под широкий гляцевитый лист кувшинки.

– Саша, у тебя как, берет?

– Хорошо берет.

- И красота какая. И тишина. И запахи. И тепло.
- Да, благодать... Но это все же не то. Вот погоди, придет ноябрь, начнется стужа, перволедок...
- Не раздражай, не береги душу, словно не дождешься, когда придет ноябрь.
- А помнишь, как мы один раз выехали в тридцати семиградусный мороз? Мотыль примерзает к пальцам, пальцы к мормышке, лунку каждую минуту затягивает льдом.
- Фанатики. Я тогда сбежал с половины дня. С Варварой Ивановной варил уху.
- Красота.
- А помнишь, как один раз ехали на твоём «Москвиче» по тонкому льду и открыли дверцы, чтобы, если рухнем, повиснуть на дверцах?
- Фанатики. Жаль мне «Москвича»-то, наверно, новый хозяин перекрасил его, и номер другой. Может, и встретишь на улице, не узнаешь.
- А помнишь, как у Аркадия на мормышку щука взяла?
- Не береги.
- Солнце поднялось выше. Оно начинает пригревать. Оно просвечивает тихую речную воду.
- Эх, брат, словно не дождешься, когда придет ноябрь, и стужа, и первый лед. Да мороз бы покрепче, да махнуть бы на Григоровы острова!

1963

notes

Примечания

1

Распространенное среди рыбаков новое
словообразование от «ловить».

Герман описывал мне идеальное снаряжение и оснащение рыбака-зимника. Сам он был экипирован кое-как и всегда на рыбалке зяб. Правда, удочки у него были в полном блеске. Он был как чеченец в описании Лермонтова: бешмет весь драный, а оружие в серебре.

3

Дело было давно, при старом масштабе цен.

Впрочем, не всегда его включают намертво. Иногда вставляют его в гнездо, а когда кончается лов, вынимают. Таким образом, удочка получается разборная. Иногда даже, когда рукоятка достаточно длинна, просверливают в ней глубокое отверстие и прячут хлорвиниловый поводок в рукоятку, засовывая его туда тонким концом. Но все это, на мой взгляд, лишние хлопоты. Должна быть цельная, прочная удочка, правда, такой длины, чтобы, укладывалась в наш ящик.

Впрочем, не всегда его включают намертво. Иногда вставляют его в гнездо, а когда кончается лов, вынимают. Таким образом, удочка получается разборная. Иногда даже, когда рукоятка достаточно длинна, просверливают в ней глубокое отверстие и прячут хлорвиниловый поводок в рукоятку, засовывая его туда тонким концом. Но все это, на мой взгляд, лишние хлопоты. Должна быть цельная, прочная удочка, правда, такой длины, чтобы, укладывалась в наш ящик.